

JEAN CATHALA
16, RUE DES ORCHIDÉES
75013 PARIS

ВРЕМЯ И МЫ

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ЖУРНАЛ
ЛИТЕРАТУРЫ
И ОБЩЕСТВЕННЫХ
ПРОБЛЕМ**

Десятый год издания

**Выходит один раз
в два месяца**

**80
1984**

НЬЮ-ЙОРК—ИЕРУСАЛИМ—ПАРИЖ

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ВРЕМЯ И МЫ" — 1984

В этом номере мы предлагаем читателям впервые переведенную на русский язык главу из романа Джеймса Джойса "Улисс". Любители легкого, увлекательного чтения должны, по-видимому, сразу отложить эту публикацию. Патриарх современной литературы, гений XX века — Джойс — писатель особого склада. Его сложный изощренный стиль, его метафизическое мышление, основанное на тончайшем фрейдистском анализе, его стремление обнажить в потоке сознания сам процесс зарождения мысли и расшифровать символику идей, наконец, его не знающий себе равных по богатству язык, — все это литература особого рода, к которой бессмысленно подходить с привычными критериями. И все же мы надеемся, что отрывок из "Улисса" вызовет глубокий интерес у читателей и доставит подлинное эстетическое наслаждение.

Исраэль ШАМИР

СТО ЛЕТ ДЖОЙСУ, ИЛИ ОДИН ДЕНЬ ЛЕОПОЛЬДА БЛЮМА

Время бежит, вот уже прошел и столетний юбилей Джойса, этого провозвестника модернизма и уходящего XX века. Хотя, собственно говоря, столетие должно было отмечаться в январе, когда родился Джойс, но его поклонники перенесли стихийно торжества на увековеченное им 16 июня: ведь весь восьмисотстраничный "Улисс" сжат во времени до одного дня — 16 июня 1904 года.

Этот один день в жизни самого знаменитого — после Иисуса (с которым он неоднократно сравнивался) — еврея в мировой литературе, Леопольда Блюма, это Блюмов день, Блюмдень, а еще лучше Блюдень. Так, скажем, поклонники Солженицына могли бы отмечать какое-то декабрь — День Ивана Денисовича. В Блюдень сотни поклонников Джойса собираются в Дублине, завтракают жареными свиными почками, сидят по пивным (пабам) и пьют ирландское виски Дж.Джейсон, и уже это естественное занятие связано с абсолютной бредовостью блюмования: странно пить виски в память трезвенника Блюма, странно есть свиные почки в честь еврея, да еще и в Дублине, откуда Джойс уехал в молодости, чтобы никогда не возвращаться. Хотя действие "Улисса" происходит в Дублине, роман был написан во Франции, Италии, Швейцарии, где Джойс кочевал, бедствовал, ругался с квартирными хозяйками и консульскими работниками, преподавал английский — короче, тянул знакомую нам эмигрантскую ляжку.

Ведь "Улисс" — в первую очередь эмигрантский роман, и уже поэтому он особо интересен для эмигрантов — читателей настоящей публикации. Впрочем, в отличие от последних, Джойс не тешил себя

мыслью, что он вернется, когда Ирландия станет свободной (коммунистической католической, православной, гэльскоязычной, перво-бытнообщинной — нужное подчеркнуть, ненужное зачеркнуть). Джойс уехал при англичанах и не вернулся после провозглашения независимости. Впоследствии он объяснял этот свой шаг — или всю жизнь — по-разному. Он говорил, например, о различии между беженцами, ищущими кусок хлеба и эмигрантами, ищущими истин.

Чтобы понять суть джойсовской эмиграции, обратимся к концовке разговора Стивена и Блюма об Ирландии. Отчаявшись, Стивен говорит: "Этой страны нам не переменить, давайте переменяем тему". Но вся жизнь Джойса послужила доказательством тому, что Стивен — по молодости лет — ошибался: легче переменить страну, чем тему. Где бы он ни жил, повсюду Джойс писал об Ирландии, о Дублине. Но поскольку в отличие от современных русских эмигрантов, он мог вернуться на родину в любое время, он писал о ней более трезво, не оплакивая навеки утраченного. Мятеж обошелся ему недешево, и его "высокая измена" — говоря словами Сулейменова — не забыта в Ирландии. И сегодня, в большинстве книжных магазинов Дублина спрашивающему "Улисса" ответят коротко: "Не держим".

Почему этот роман так злит ирландцев? Обвинения в непристойности нам трудно даже понять. И все же, хотя в словаре "Улисса" среди шестидесяти тысяч слов на восьмистах страницах книги слово "ебаный" встречается только семь раз (то есть куда меньше, чем в реальности дублинских пивных), роман был запрещен как богохульственное и непристойное произведение, и даже в Москве он появился раньше, чем в Дублине.

В чем же дело? "Улисс" — это удар ниже пояса по национальным и религиозным чувствам земляков Джойса. Так, Веничка Ерофеев оскорбил лучшие чувства русских — интересно вспомнить, что "Москву-Петушки", прежде чем ее напечатал библиофил Володя Фромер в Иерусалиме, отвергли "Имка-пресс" и "Грани" как "клевету на русский народ".

Клеветник и богохульник, Джойс писал во времена особого национального подъема движения за независимость Ирландии (Пасхальное восстание 1916 года, провозглашение Свободного Ирландского Государства в 1921 году), но его герои — не романтические защитники Катлин ни Хулихан, но обычные дублинцы.

Упрощая до-нельзя, скажем, что Джойс поставил задачу описания просто Человека, "человека обыкновенного" — того, что в нравоучительной литературе Англии XVI века называлось "everyman". Таким человеком Джойс полагал Улисса, гомерового героя.

Художник Баджен, друживший с Джойсом в Цюрихе, цитирует его в своих мемуарах: "Знаете ли вы какого-нибудь всестороннего, совершенного героя в литературе?" — спросил меня Джойс. Я быстро обревизовал всю галерею вымышленных персонажей. Есть ли такой у Бальзака? Нет. Флобер? Нет. Достоевский или Толстой? Их герои восхитительны, но несовершенны. Конечно, Шекспир. Но нет. Фауст? или Гамлет? "Фауст! — сказал Джойс. — Он — не только не совершенный человек, он вообще не человек. Он — старик или молодой человек? Где его дом? Из какой он семьи? Мы не знаем... Безвозрастный Фауст

— не человек. Гамлет — человек, но он только сын. Улисс — сын Лазр-ту, отец Телемаху, муж Пенелопе, любовник Калипсо, товарищ по оружию греческим воинам под Троей и царь Итаки". — "Что вы имеете в виду под совершенным человеком? — спросил я. — Человек может быть всесторонним, но несовершенным, в смысле — идеальным. А ваш Улисс... " — "Он и то, и другое, — сказал Джойс. — Я вижу его со всех сторон, потому что он — всесторонний, как скульптура. Но он и совершенный — в смысле хороший человек. По крайней мере, таким я собираюсь его сделать".

Но Человек Джойса очень уж не похож на Платона Каратаева. Его "самый человечный человек" — крещеный еврей Блюм. Чтобы понять всю удивительность этого выбора героя, скрестим русскую и ирландскую литературы. Тогда Солженицын написал бы роман "Троицкий богатырь", где еврей Цезарь Маркович Блюм, как придурок Ир, спорил бы с героем из-за объедков, а Джоицын вывел бы в своем "Одном дне Леопольда Рудольфовича" циклопа-националиста кавторанга Ивана Исаевича Сологодина. В русской литературе нет места для негероичных еврейских героев, вроде Цезаря Марковича, хотя нечто похожее произошло, когда русский автор взял себе еврейский псевдоним — Абрам Терц — и противопоставил себя национализму своего народа, как сделал и Джойс, выбрав героев-еврея (не случайно оба оказались в эмиграции в Париже).

Джойсоведы (а имя им — легион) разработали немало объяснений странного выбора героя. В основном эти объяснения упирают на символичность выбора еврея. Например, Стюарт Гильберт хотел вывести ответ из сравнения с Гомером, из эллино-финикийской теории. У Стюарта Гильберта особое положение среди джойсоведов — он был близок с Джойсом, получил не только сам текст, но и толкование оногo. По его авторитетному мнению, параллель с Гомером и выбор Блюма зиждятся на одной специальной книге, прочитанной в свое время Джойсом и произведшей на него впечатление.

Об эрудиции Джойса нет единого мнения — ранние исследователи верили в его всеведение, поздние — клялись, что и Марка Твена не читал, хоть и цитировал. Но можно считать установленным, что в связи с "Одиссеей" Джойс прочел ровно две книги, не считая самого Гомера. Одна из них "Создательница "Одиссеи" утверждала, что "Одиссея" была написана женщиной — и она не могла прийтись по вкусу Джойсу, не любившему интеллектуальных женщин. Зато вторая книга, по мнению Гильберта, явилась откровением. Эта вторая книга — а точнее, четыре аккуратных тома по-французски, напоминающие своей аппетитной пухлостью и графикой иллюстраций романы Жюль Верна — "Финикийцы и Одиссея" Виктора Берара, видевшего в "Одиссее" Гомера греческое переложение точных финикийских лоций, и в ее герое — финикийского мореплавателя. "Одиссея", или ее финикийский первоисточник — это абсолютно точное описание плавания по средиземноморским водам.

Эта идея точности поэмы была близка Джойсу, который сказал однажды рисовавшему его портрет художнику, когда тот выразил надежду уловить душу писателя: "Вы, главное, верно нарисуйте галстук", то есть если галстук и прочее будут верно нарисованы, то и душа

никуда не денется. В своем пристрастии к точности он выверял передвижения своих героев по карте с часами в руках, рисовал сложные диаграммы и графики, чтобы не допустить ошибок. И действительно, в его энциклопедии Блюма и Дублина поколение исследователей нашло только пару мелких накладок, вроде неверно рассчитанного объема легких Блюма.

Отсюда был уже один шаг до выбора Блюма. Ирландцы любят считать себя потомками древних греков, так как по легенде именно греки были первыми поселенцами Эрина. Если ирландцы — это греки наших дней, то кто же современные финикийцы, если не евреи, потомки и родичи древних семитских мореплавателей?

По другой теории, чтобы понять причину появления еврея, нужно обратиться к эллину — Стивену Дедалусу, герою "Портрета художника в юности", герою блюмова возраста. Большинству читателей и литературоведов Стивен-поэт и эрудит ближе, чем простой малообразованный Блюм, хотя именно в его простоте — залог общечеловечности, которой нет у Стивена. Стивен одинок в своем родном городе, он бунтует против национализма, который требовал от него и от других молодых ирландцев борьбы с Англией и прочих красивых шагов, за которые платят жизнью и свободой. "Моя страна хочет, чтобы я умер за нее. Пусть лучше моя страна умрет за меня", — говорит Стивен. Ясно, что Стивен — изгой. Владимир Набоков в посмертно опубликованных лекциях по "Улиссу" приходит на основании этого к выводу: выбор героя еврея, то есть изгоя — символ изгойства поэта.

Блюм — не общественное лицо, не политическое животное, он больше думает о душистых дынях жениного зада и о цене мыла, чем о судьбах Ирландии. Он не одержимый, не космополит, возносящий свой космополитизм на щит. Блюм далек от юношеского радикализма Стивена, он готов пробормотать несколько фраз о благе Ирландии и о Парнелле. Стивен стоит за право одиночки наплевать на борьбу своего народа, а Блюм живет своей жизнью, без плевков и без борьбы. Стивен стоит за антинационализм, но любой еврей волей неволей сам по себе — уже знамя ненационализма, бесящее циклопов. И особенно интересно негодование циклопов, когда они приходят к выводу, что Блюм помогает ирландским националистам Шин Фейна: "Это уж слишком, дайте нам самим", — стонут циклопы-националисты. Сама мысль о еврее, помогающем им, готова взбесить националистов.

Здесь стоит обратить внимание на связь (или, скорее, на отсутствие связи) между Блюмом и еврейским национализмом. Еврейского национализма в современном смысле слова в начале века почти что не было. С самого утра Блюдня герой задумывается о Сионе, где создаются первые сельскохозяйственные колонии, но призывы, что, мол, евреи должны ответить насилием на насилие, встретить силу силой — принадлежат циклопам. Блюм — еврей человечный, а не гордый по Жаботинскому, трудовой по киббуцному, религиозный по хасидски, революционный по Хулио Хуренито, культурно-просветительный по Ахад Га Аму. Более того, Блюм такой еврей, что даже евреи не сочли бы его евреем. Все говорят — еврей Блюм, но на самом деле его мать — ирландка, урожденная Хиггинс, и даже отец уже был крещен. Рассказывая Стивену о столкновении с Полифемом, Блюм приводит имена

знаменитых евреев: "Мендельсон был еврей, и Карл Маркс, и Меркаданте, и Спиноза. И Спаситель был еврей". Но все они — не очень-то евреи (кроме Меркаданте, который просто не еврей), они или крещеные, или отлученные.

В главе "Евмай" Блюм пересказывает Стивену этот эпизод так: "Он назвал меня евреем, в пылу, чтобы оскорбить. Тогда я, несколько не отклоняясь от истины, сказал ему, что его Бог, в смысле Христос, тоже еврей, и вся семья его тоже, как и я, хотя на самом деле я не. Это уняло его. Кроткий ответ смирят гнев. Ему было нечего возразить, как все видели". Блюмовское "я не" обосновано. Он еврей только по отцу и трижды крещеный. Блюм — не еврей с формальной точки зрения, что скорее сближает, чем разделяет его и Иисуса — тоже крещеного и крестившего трижды "во имя отца, сына и святого духа". Далее в той же главе Блюм снова вспоминает свой ответ: "И в то же время он фыркнул про себя, вспомнив свою разящую отповедь защитнику крови и страстей/страстей Христа, что его Бог — еврей. Человек готов смириться с укусом волка, но как не взбеситься, если укусит овца. Самое уязвимое место этих Ахиллесов — ваш Бог был еврей, потому что большинство из них, видимо, воображает, что он пришел из какого-нибудь ирландского графства Слиго".

Совершенно то же замечание (совпадение? влияние?) делает герой пьесы Фридриха Горенштейна "Споры о Достоевском": "Не трожьте нашего Ивана Христа из Рязани". Конечно, забавно, что этот еврей времен Второго Храма так укоренился в Ирландии и в России, в то время как его более поздние родичи не только не смогли этого сделать, но даже подвергают себя опасности, напоминая местным жителям о таком родстве.

Всечеловечность Блюма-Улисса в том и заключается, что он не относится однозначно к той или иной категории: он даже не то баба, не то мужик, по словам рассказчика "Циклопа", он не торговец и не литератор (сборщик объявлений), туманно его семейное положение — с женой он не спит "как положено" уже десять лет, сын его умер и усыновление Стивена не получается (тот отклоняет все намеки и предложения Блюма), неясна и его религия — он трижды крестился — и в протестантство, и в католичество, и готов все же назваться евреем. А национальность? Ирландец, по его собственным словам; еврей из Венгрии, по мнению циклопов. Сравните эту расплывчатую двойкость с джойсовским определением Одиссея как совершенного человека, тем определением, которое он дал своему другу Баджену. У Гомера — "муж, отец, сын, любовник, товарищ по оружию". У Джойса: не совсем муж, не совсем отец (мертвому сыну или Стивену), не совсем любовник (его единственный оргазм в Блюдень произведен его же рукой), не совсем товарищ коллегам по редакции, издевающимся над ним. Из этого ясно следует, что Баджен напрасно принял слова Джойса за чистую монету. Гомеровская параллель тут, как и всюду, пародийна. Как поцелуй в Моллин зад пародирует Одиссея, целующего камни Итаки.

Конечно, выбирая героя-еврея, Джойс оправдывает свою эмиграцию. Ведь евреи живут где угодно, не умирая за Ирландию, за Россию и т.д. В отличие от евреев-патриотов своей приемной родины, какими

пытаются представить своих сородичей еврей-диссиденты в России, в отличие от синеглазых и русоволосых сионистских Трумпельдоров, Блюм не тщится умереть за родину. В черновом варианте главы "Циклоп" Д.Д. говорит: "Но ведь и еврей может быть предан своей стране?" И Стивен остроумно отвечает: "Конечно, если он только знает, какая из них — его страна". В окончательном варианте Стивен не присутствует в неприятной сцене в логове циклопов, но его остроумная реплика сохранена и передана другому симпатичному герою.

На вопрос, почему он сделал главным героем своего романа еврея, Джойс отвечал просто: потому что он был евреем. Под этим он имел в виду не таинственную правду искусства, но двух прототипов Блюма: дублинского "может быть, еврея", который однажды подобрал пьяного и побитого Джойса, как Блюм подобрал Стивена после пьянки в квартале Красных фонарей, и еврея-торговца, которому Джойс, бедный ирландский эмигрант, преподавал английский в Триесте в 1906-1914 годах. (Джойс поощрял литературные наклонности своего ученика, который впоследствии стал известнейшим итальянским писателем Итало Звево, автором одного из значительных романов XX века, в русском переводе получившим название "Самопознание Дзено").

Особое отношение к евреям вообще не случайно для эмигрантов. Как обнаружили сейчас выходцы из России, среди эмигрантов и вокруг них много евреев, в том числе и местных. Да и общение с евреями у себя на родине уже предвещает эмиграцию. Хотя бы поэтому ситуации "Улисса" легко передаются по-русски. В прошлом веке Стивен-Джойс был бы Чаадаевым, в наши дни — либералом, вроде Абрама Терца, не замечающим, что жида устроили Октябрьскую революцию, навязали большевизм русскому народу и породили Парвуса. Глава "Циклоп" и вовсе легко ложится на русский материал. Джойсовский Гражданин был бы славянофилом и эмигрантом, вместо гэльских слов вставлял бы славянизмы, призванные заменить "птичий язык", и сшибал бы себе на выпивку в парижских кафе рассказами о кровавых большевиках и о борьбе с оными. Яркие националисты всегда готовы выпить за чужой счет, как замечает Рассказчик.

В русском варианте надо бы заменить повешение — мордовскими лагерями, но, я думаю, что рассказ, где потешаются над патриотом, идущим на муки во имя свободы России, не смог бы появиться ни в "Октябре", ни в "Континенте", ни даже в "Синтаксисе".

И пародийные куски легко переписывались бы на русский лад: заменить только Конна Стобитвенного на Владимира Красное Солнышко да пиво на водку. Если "русский вариант" разместить в Париже, нужно заменить еще англичан на большевиков, а евреев оставить евреями. Все националисты-почвенники сходятся на нелюбви к евреям типа Блюма, хотя некоторые из них готовы принять еврея, если он ведет себя в соответствии с циклопией этикой и "отвечает силой на силу": недаром среди друзей Израиля такие националисты, как Жак Сустель.

Но в общем-то, как ни трактуй еврейство Блюма — по финикийской аналогии, по Цветаевскому "все поэты — жида", потому ли, что еврейство — это знамя не-национализма, не-воинственности, не-истории, но интереснее всего воспринимать — благодаря главе "Циклоп" — символику книги на антисимволический манер.

Блюм — не символ еврея-изгоя (как поэт, или как Церковь, именующая себя "Израиль"), а просто еврей. Это самая актуальная трактовка. Когда вчерашние попутчики винят евреев в распятии Христа и в Октябрьской революции, они выступают не против евреев как символа, но против людей из плоти и крови: Блюмов, Цезарей Марковичей и им подобных. Такое толкование связано с подлинной загадкой главы "Циклоп": зачем вообще она была написана? Абсолютный не антисемит Набоков не понял этого, и в пересказе романа уделил этой главе лишь несколько строк. Ведь в 1904 г. (время действия) и в 1914-1921 гг. (время написания) ни в Дублине, ни в Триесте, Париже и Цюрихе не было ни множества евреев, ни ярого антисемитизма. Как осуждение антисемитизма эта глава — все равно что из пушек по воробьям.

Но, видимо, Джойс предчувствовал наступающий ужас, и одно пророческое слово это показывает. Это слово содержится в главе "Итака", где дается полушутливое, символическое переосмысление Блюдня в религиозно-историческом ключе и рассказывается о столкновении с необузданным троглодитом в заведении Барни Кирнана (holocaust).

Спустя 30 лет это слово стало значить только одно — столкновение с необузданными троглодитами, закончившееся гибелью европейского еврейства. Джойс никогда не выступал по политическим вопросам и отказывался подписывать любые коллективные обращения и протесты. Единственным исключением было его выступление в защиту евреев после победы нацистов в Германии. (Джойс умер в 1941 году.)

С этим связан и ответ на непустой вопрос: можно ли жить по Блюму? Ведь если даже Израиль — решение циклопическое. Не лучше ли вернуться к человечности, к тихой человечности Рассеяния?

Во-первых, красивый ("как женщина"), длинноресницей, высокий и матовокожий, со смеющимися и подшучивающими глазами Блюм терпит поражение во всем — от продления рода до понимания близких. Ирландский критик отмечает, что все действия Блюма в романе связаны с пустой тратой, с распылением добра. "Блюм проходит через сад, нуждающийся в удобрении, он замечает это, но проходит в уборную, хотя алебастровому трону-унитазу его дерьмо не нужно. Блюм читает сионистскую листовку о сельскохозяйственном поселении у Кинерета — но он не поедет туда. Уже 10 лет Блюм не оплодотворяет свою жену Молли, выплескивая семя на ее зад". К этому списку можно прибавить еще десяток подобных преднамеренных наудач — Блюм не оплодотворяет ни Молли, ни Гerti, ни Ирландию, ни Палестину, ни ум Стивена, ни революцию Шин Фейна.

Но, во-вторых хуже, чем во-первых: как Блюм нельзя жить, но можно умереть, как показывает Циклоп и циклопическая евромахия. Евреев Господь закликает не бунтовать против народов мира, жить по Блюму, не отвечать силой на силу и не освободить страну Израиля с оружием в руках. Народы мира закликает Господь щадить евреев и не выводить под корень. Убийства нацистов разрушили эту космическую связь, и знакомый нам мир Блюмов рухнул. Блюмов Европы постигла судьба динозавров.

Конечно, Блюмы не смогли бы выжить нигде. И в Израиле нет нехватки в циклопах. Ведь главное в Блюме — это то, что личное для него важнее общественного, а такой человек был бы осужден в любом месте гневной общественностью, этим бичом XX века.

БЛЮДЕНЬ, ИЛИ КРАТЧАЙШЕЕ СОДЕРЖАНИЕ "УЛИССА"

Действие всего романа охватывает только один день.

Первые три главы ("Телемахиды") рисуют утро Стивена Дедалуса, молодого поэта, героя "Портрета художника в юности". Эффект ожидания Блюда (главного героя "Улисса") возникает с самого начала. Соседа Стивена одолевает ночной кошмар: нападение черной пантеры — леопарда-Леопольда черного Блюда. Англичанин Хайнс провозглашает, что главная беда Британии — это засилье евреев. Об этом же говорит во второй главе директор школы, в которой подрабатывает Стивен. Он разрешает загадку: почему Ирландия никогда не преследовала евреев, — она не допускала их в свои пределы.

В главе "Калипсо" появляется наконец сам Блюм. Он готовит завтрак для себя и жены, пока та спит, затем выходит за свиной почкой и у торговца свининой — венгерского еврея Длугача — находит сионистскую брошюру, призывающую купить землю около Кинерета. Этот призыв многократно всплывает в его мозгу во время Блюдня. За завтраком Блюмы читают письма — от дочери Милли пятнадцати лет, которая флиртует с молодым студентом, и от импрессарио Молли Бойлана, который собирается прийти в четыре часа пополудни и наставить рога Блюму. Это немало угнетает Блюда, хотя уже десять лет Блюм и Молли не имели "полноценных" половых сношений.

Блюм отправляется на кладбище ("Аид") на похороны Падди Дигнама, где его уговаривают помочь вдове Дигнама.

Оказавшись на работе в газете "Фримэн" ("Эол"), Блюм пытается получить объявление у Александра Кейса, ведет переговоры об этом с Наннаном-Наннетти, обирландившимся итальянцем, советником дублинского муниципалитета, однако эти переговоры не приводят ни к каким результатам. Затем Блюм перекусывает, обедает ("Сирены"), пишет письмо Марте, с которой он флиртует "путем взаимной переписки". Далее он заходит в пивную Кириана ("Циклоп"), где ждет Каннингэма, чтобы помочь вдове Дигнама. Затем мы видим Блюда на берегу моря, где он следит за Герти и онанирует ("Навзикая"). После этого Блюм появляется в родильном доме ("Быки Гелиоса"), чтобы навестить роженицу, и встречает пьяного Стивена. Они идут в квартал Красных фонарей ("Цирцея"), где Блюм выручает Стивена. Они блуждают ("Евмай"), приходят домой к Блюму ("Итака"), Стивен уходит домой, а Блюм засыпает в объятиях Молли, потребовав на утро завтрак в постель.

Так проходит Блюдень.

Джеймс ДЖОЙС

ЦИКЛОП

Глава из романа "Улисс"

Коротаю я этак время со стариной Троем из дублинской полиции на углу Арбор Хилл, и тут, чтоб меня разразило, только прохожий трубочист чуть не всадил мне свое помело прямо в глаз. Только повернулся я, чтоб сказать ему пару ласковых, и вдруг — кого я вижу — ковыляет по Стоуни Баттер — Джо Хайнса.**

* Гомеровские подзаголовки Джойс снял перед выходом книги в свет, но критики ими пользуются для удобства. Гомеровские аллюзии у Джойса — особенно в "Циклопе" — найти легко. В самой первой строке Рассказчик беседует со старым Троем — шуточный намек на Троя. Рассказчик остается безымянным, на протяжении многих страниц не упоминается имя Блюма, безымяннен и Гражданин — это соответствует шутке Одиссея, назвавшегося Никто при встрече с циклопом. Конечно, ко всем этим параллелям отношение, скорее, шутовское, чем сакральное. Более глубок смысл одноглазости циклопов. Этому свойству соответствует неспособность циклопов видеть рельефный мир. У циклопов — плоскостное видение мира: кто не с нами, тот против нас. Блюм — единственный двуглазый в этой компании, и каждый раз ему за это попадает: даже за англичан он заступился, потому что "с другой стороны"... В стране кривых двуглазый только помеха. Как заметил один из комментаторов Джойса: кривые видят все куда четче, чем двуглазые, а полутона им ни к чему. И эта циклопья тема, не меньше, чем еврейская, знакома нам по эмиграции.

** Журналист, с которым Блюм работает в газете. Блюм встретил его утром на кладбище на похоронах Падди Дигнама.

— Лё, Джо, — говорю, — чем дышишь? Видал, как этот блядский трубочист чуть не высадил мне глаз своей метелкой?

— Сажа, к счастью, — говорит Джо. — Что это за старый хрен, с которым ты толковал?

— Старина Трой, — говорю, — бывший кадровый. Никак не решу, не подать ли на того молодца за заграждение проезжей части дороги своими щетками и лестницами.

— Что ты ищешь в этих местах? — говорит Джо.

— А до хера и больше, — говорю. — Есть тут один блядский хитрющий прохиндей — старина Трой только что подковал меня — набрал сколько душеньке угодно чаю и сахару на выплату по три монеты в неделю, сказал, что у него рента с графства Даун, у одного малька, по имени Мойше Герцог, около Хэйтсбери стрит.

— Обрезанный! — говорит Джо.

— Ага, — говорю. — Отколупанный. Чертов золотарь, звать Герати, я на его чикю уже две недели мечу, а пенни еще не выжал.

— Так ты этим сейчас промышляешь? — говорит Джо.

— Ага, — говорю. — Взымаю долги с несостоятельных или нерасторопных должников. Но почище этого блядского грабителя хоть весь день бегай, не встретишь, а рожа — вся в оспинах, да таких, что ливень удержат. Скажи ему, говорит, пусть только попробует, говорит, пусть только посмеет еще раз подослать тебя, говорит, я его тут же под монастырь подведу,* точно говорю, — за торговлю без разрешения.

А уж он набил себе сусеки так, что лопаются! Иисусе, прямо смех разбирает на еврейчика глядя, как он на себе рубашку рвет. *Он пьет мне мой чай, он кушает мне мои сахара. Почему не платит мне мои деньги?*

* "Я его под монастырь подведу"... — Герати взял в кредит чай и сахар у посредника-еврея Герцога и обязался выплачивать стоимость взятого по три шиллинга в неделю. Он пользуется уверткой, как Одиссей, — если бакалейщик будет прижимать его, он донесет на него за торговлю без патента.

За нескоропортящиеся товары,* приобретенные у Мозеса Герцога, проживающего в доме № 13 по Ст.Кэвинской аллее района Лесного причала, в дальнейшем именуемого "Продавец", проданные и поставленные Майклу Е.Герати, эсквайру, проживающему в доме № 29 по Арбор Хилл, в районе причала Арран, города Дублина, джентльмену, в дальнейшем именуемому "Покупатель", а именно: пять фунтов английской меры рафинированного сахара песка по три пенса за фунт английской меры веса, вышеименованный Покупатель обязуется выплатить вышеименованному Продавцу шесть пенсов, пять шиллингов и один фунт стерлингов за полученный товар, каковая сумма будет выплачиваться вышеименованным Покупателем вышеименованному Продавцу по частям, еженедельно раз в семь календарных дней по три шиллинга и ноль пенсов; и вышеупомянутые товары не могут быть заложены, проданы, переданы или отчуждены иным способом вышеименованным Покупателем, но должны оставаться и остаются личной и исключительной собственностью вышеименованного Продавца, который имеет право распоряжаться ими по своей воле и желанию, пока указанная сумма не будет полностью и надлежащим образом выплачена вышеименованным Покупателем вышеименованному Продавцу, о чем и была достигнута настоящая договоренность между вышеупомянутым Продавцом, его наследниками, правопреемниками, опекунами и распорядителями имущества, с одной стороны, и вышеупомянутым Покупателем, его наследниками, правопреемниками, опекунами и распорядителями имущества — с другой стороны.

— Ты как, стал абсолютным трезвенником? — говорит Джо.

— Не пью между выпивками, — говорю.

— Может, засвидетельствуем почтение нашему другу? — говорит Джо.

* "За нескоропортящиеся товары"... — здесь появляется шутливый второй голос. Вся эта глава "поется" на два голоса. Один — это рассказчик-аноним. Другой — это многоликий (как Протей, которому приписывалась способность произвольно менять свой вид) голос пародии, с помощью которой происходящее пересказывается во всевозможных стилях.

— Кому? — говорю. — Само собой, он в св.Иоанне Богоугодном, сбрендил, бедняга.

— Пьет свое собственное? — говорит Джо.

— Ага, — говорю. — Виски с водой на мозги.

— Пошли к Барри Кирнану, — говорит Джо. — Хочу повидать гражданина.*

— Пошли к Барри Кирному, — говорю. — Что-нибудьстрялось, Джо? Чем удивишь или поразишь?

— Ни звука, — говорит Джо. — Я был на собрании в "Городском гербе".

— Насчет чего, Джо? — говорю.

— Скотоводы, — говорит Джо, — насчет ящура. Хочу гражданину всю правду-матку донести.

Так пошли мы вокруг Линенхолских казарм и за зданием суда, болтая о том да сем. Добрый малый Джо, когда есть у него, но само собой, у него никогда нет. Иисусе, никак не могу забыть этого блядского лиса Герати, прямо грабеж среди бела дня. За торговлю без разрешения, говорит.

В Инисфайле Прекрасном** лежит земля, святая земля Мичана. Высится там башня, издалека видна она. Там как живые опочивают вечным сном богатыри сей земли и воины, и князья славного имени. Воистину хороша сия земля с ее журчащими водами, обильными рыбой ручьями, где резвятся форель, жерех, сом, судак, лещ, щука, карп прудовый, окунь, севрюга и несортовая мелкая рыба, и прочие обитатели акватического царства, слишком многочисленные для перечисления. Под мягким дуновением ветра с запада и востока величавые деревья склоняют в разные стороны свои первоклассные

* Гражданин — остается безымянным. В черновике фигурирует под своим подлинным именем — Майкл Кассак. Таскался из пивной в пивную, ожидая угощения от патриотов, но в молодости был здоров подраться и врывался в пивные с боевым кличем: "Я — Майкл Кассак из графства Слиго, а ты, протестантский пес, кто такой?" Видимо поэтому Джойс дал ему пса в спутники. Песья натура гражданина отразилась еще и чисто личную черту Джойса — он не любил собак.

** "В Инисфайле прекрасном"... — здесь в стиле, пародирующем не то древние ирландские сказания, не то современные им подражания, описывается рынок при приходе св.Мичана, по которому проходят герои.

кроны: изящная сикамора, ливанский кедр, возвышенный платан, евгенический эвкалипт и прочие орнаменты арбореального мира, коими сей край снабжается по первой категории. Прелестные девы сидят в непосредственной близости к корням прелестных деревьев и поют прелестные песни, играя в то же время всевозможными прелестными предметами: как-то золотыми слитками, серебристыми рыбками, бочками сельдей, выводками угрей, мальками трески, корзинами икры, пурпурными раковинами и резвыми насекомыми. И витязи съезжаются издалека сватать их, от Элны и Сливмарджи, несравненные князя неутомимого Манстера, и Коннохта праведного, и ладного ловкого Ленстера, и из земли Кручана, и из великолепного Арма, из благородного удела Бойла, князя и королевичи.

И здесь вздымается сияющий замок, и его хрустальный блистающий купол виден издалека и светит мореплавателям, пересекающим обширное море в ладьях, построенных специально для данной цели, и сюда собираются все стада и первые плоды земли и вскормленные тучные тельцы, и О'Коннел Фицсиммон берет ими дань, вождь и потомок вождей. Доселе влекут весьма крупные обшевни тук полей: поддоны цветной капусты, пучки шпината, шишки ананасов, рангунские бобы, гарнцы томатов, лари фигов, обточенные брюквы, округлые картофелины, радужные вилки капусты иоркской и савойской, и гирлянды луковиц, сих земных жемчужин, и ведра грибов, тыквы и кабачки, и сочные стручки горошка, и ячмень, и сурепица, и красные зеленые желтые румяные восковые сладкие крупные кислые спелые райские наливные яблоки, и лукошки земляники, и сита крыжовника, мясистого и сквозносветящегося, и земляника, как для княжьего застолья, и малина прямо с куста. *Пусть только посмеет, говорит он, пусть еще раз осмелится.* А ну выходи, чертов Герати, блядский грабитель с большой дороги!

И тем же путем поспешали бессчетные стада овнов и пугливых ярок и стриженных ягнят и барашков и гуменников и сортовых волов и ржущих кобыл и комолых телят, и рунных, сальных и овчинных овец, и отборных яловок Каф-

фа, нагульной скот, супоросые свиньи и кладеные боровы, и различные многочисленные поросячьи породы высшего качества, и телки Ангуса, и комлатые бычки безупречных кровей вместе с премированными быками и дойными коровами, и вовеки раздаются здесь мычание, бляение, ржание, хрюканье, рев, гоготанье, хрипенье, топот, меканье, фыркание, жевание овец и свиней и тяжелокопытных коров с зеленых пастбищ Лаша и Раша и Каррикмайнса и из многоводных долин Томонда, от непроходимого Мак-Гилликадди, с берегов бездонного величественного Шаннона и с плавных склонов киарской породы, вымя их разбухло от избытка молока, и сбитки масла, и головы сыра, и бочонки с пахтаньем, и окорока, и корейка, и четверики зерна, и овальные яйца многими сотнями, белы и буры, коротки и долги. Ну, завернули мы к Барри Кирнану — и точно: сидит себе гражданин в уголке, задумывается вовсю с той блядской шелудивой дворнягой Гарриоуэном и ждет, что ему перепадет с неба на предмет выпивки.

— Вот и он, — говорю, — в свой КПЗ за своим киром и с кучей газет, тщится на пользу дела.

Чертова дворняга рыкнула так, что мороз по коже. Благое дело сотворит, кто удавит проклятого пса. Слышал я, было дело, отъел он полштанины у констебля в Сантри, когда тот пришел с повесткой за лицензией.

— Жизнь или кошелек, — говорит.

— Все свои, гражданин, — говорит Джо. — Друзья.

— Заходите, друзья, — говорит. Затем трет себе глаз ладонью и говорит: — Что скажете о нынешних временах и нравах?

Роб Роя строит, бригана. Но, бля буду, Джо не уступил ему.

— Я думаю, что курс биржи подымается, — говорит он и чешет себе в паху.

И, бля, гражданин цапает его лапой за колено и говорит:

— Это все из-за иностранных войн.

И говорит Джо, засовывая большой палец в карман:

— Это стремление русских к господству.

— Арра, вяжите это блядское штукачество, Джо, — говорю, — у меня такая жажда, что за пол-литру не отдал бы.

— Наименование, гражданин, — говорит Джо.

— Отечественная лоза, — говорит.

— А тебе? — говорит Джо.

— Те же и то же,* — говорю.

— Три пива, Терри, — говорит Джо. — Ну как ретивое, гражданин, — говорит он.

— Лучше не бывает, а кара,** — говорит. — Что, Гарри, мы еще победим, а?

И так он хватает блядского барбоса за шкурку и, Иисус свидетель, чуть не придушил его.

Фигура, высившаяся на огромном валуне у подножья круглой башни,***) являла собой прекрасный образчик широкоплечего крутогрудого сильносуставного искреннеглазого огненноволового многовеснушчатого лохматобородого ширококоротого крупноносового долгоголового румянолицего жилисторукого героя. Размах его плеч превосходил несколько сажень; его скалоподобные колени горца были покрыты, как и прочие видимые части тела, крепкой порослью бурых колючих волос, своей окраской и прочностью напоминавшими утесник обыкновенный (*Ulex Europaeus*). Широко раздутые ноздри, из которых торчали пряди той же бурой поросли, были такой вместительности, что в их пещерном мраке легко смог бы свить себе гнездо жаворонок. Глаза, в которых слеза и улыбка вечно боролись за господство, не уступали размером добром кочану капусты. Мощный поток теплого дыхания вырывался через равные промежутки времени из глубочайшей полости его рта, и в ритмическом резонансе с ними гулкие ядерные биения его внушительного сердца громоподобно грохали, приводя насыпь вокруг, вершину гордой башни и еще более гордые стены пещеры в содрогание и трепет.

* "Те же и то же" ... — имеется в виду дублинская идиома: "Присоединяюсь к Мак-Анаспи". На собрании патриотов Мак-Анаспи говорил в течение получаса, и последующий оратор не нашел возможным что-либо добавить и сказал лишь: "Присоединяюсь к Мак-Анаспи"

** а кара — милостивый государь (ирланд.).

*** "Фигура, высившаяся" ... — здесь использовано описание Циклопа Гомером ("Муж великанского роста... казался лесистой, дикой вершиной горы"), которое дается на вальтерскоттовский лад и перенесено в лубочную Ирландию.

Он был облачен в длинную *епанчу* без рукавов из свежесодранной бычьей шкуры, падавшую свободными складками на его колена и перехваченную посредине опояской, свитой из соломы с камышом. Под этим он носил *гачи* из оленьей кожи, грубо схваченные жильным гашником. Его нижние конечности были заключены в высокие балбригские бахилы, окрашенные багрецом лишайника, а ступни обуты в поршни дубленой коровьей шкуры, затянутые трахеей этой же твари. С его опояски свисала гирлянда морских галек, гремевших при каждом движении его внушительного корпуса, и на которых были вырезаны с грубым, но поразительным искусством племенные тотемы и образы многих стародавних исконных ирландских героев и героинь, таких как Кукулин, Конн Стобитвенный, Нилл Девятипленный, Бриан Кинкорский, Ардри Малахи, Арт Мак-Марра, Шэйн О'Нейл, о.Джон Морфи, Оуэн Роу, Патрик Сарсфилд, Красный Хью О'Доннель, Красный Джим Мак-Дермотт, Соггарт Он,* О'Гроуни, Майкл Двайр Фрэнси Хиггинс, Генри Джой Мак-Кракен, Голиаф, Хорас Уитли, Томас Коннефф, Пег Вуффингтон, Деревенский Кузнец, Капитан Самогон, Капитан Бойкот, Данте Алигьери, Христофор Колумб, св.Фурса, св.Брендан, маршал Мак-Магон, Карл Великий, Теобальд Вулф Тоун, Мать Маккавеев, Последний из Могикан, Роза Кастилии, Избранник Галуэя, Сорвавший Банк в Монте Карло, Человек в Проломе, Женщина Не Ставшая, Бенджамин Франклин, Наполеон Бонапарт, Джон Салливан, Клеопатра, Саворнин Дилиш,** Юлий Цезарь, Парацельс, сэр Томас Липтон, Вильгельм Телль, Микеланджело, Хэйз, Магомет, Невеста из Ламмермура, Петр Отшельник, Петя и Волк, Патрик У.Шекспир, Брайн Конфуций, Нилл Гутенберг, Патрицио Веласкес, Капитан Немо, Тристан и Изольда, Первый Прин Уэльский, Томас Кук и Сын, Оловянный Солдатик, Арра на Пог, Дик Терпин, Людвиг Бетховен, Прекрасная Селянка, Уаддлер Хили, Ангус Калди, Долли Маунт, Сидни Парад, Бен Хоут, Валленштейн, Грейт-рейкс, Адам и Ева, Артур Уэллсли, Босс Крокер, Геродот, Джек Победитель Велика-

* Соггарт Он — отец Джон (ирланд.)

** Саворнин Дилиш — моя душенька (ирланд.)

нов, Гаутама Будда, Леди Годива, Лилия Килларни, Балор Сглазивший, Царица Савская, Аки Нагл, Джо Нагл, Алессандро Вольта, Иеремия О'Донован Росса, Дон Филипп О'Салливен Беар. Склоненное копье с наконечником из заостренного гранита покоилось пред ним, в то время как у его ног прилежался кровожадный отпрыск собачьего племени, чье хриплое затрудненное дыхание свидетельствовало, что он погружен в беспокойное забвение, причем сие предположение подтверждалось хриплым рыком и спазматическими подергиваниями, которые его повелитель подавлял время от времени утихомиривающими ударами мощной палицы, грубо сработанной из палеолитического камня.

Ну вот Терри принес три кружки — угощение Джо — и, бля, у меня свет в глазах померк, когда он выложил золотой. Клянусь, так и выложил. Хорошенький червончик.

— Не последний, — говорит, — есть еще на развод из того же гнезда.

— Церковную кружку ломанул, Джо? — говорю.

— В поте лица моего, — говорит Джо. — Хитроумный член общества подсуфлировал.*

— Я его видал как раз до нашей встречи, — говорю, — шлепал по Грецкой, пересчитывал рыбы потроха своим штукарским рыбьим глазом, моргун.

Кто грядет в земле Мичана, закован в булатные доспехи? О'Блум, сын Рори, се он.

Не ведает страха Рориев сын: хитроумна душа его.

— На старуху с Принцевой улицы,** — говорит гражданин, — на субсидированное издание. Присягу давали. Только посмотрите на проклятую газетенку, — говорит он. — Посмотрите, — говорит. — "Ирландская Независимая Газета", с вашего поз-

* "...подсуфлировал"... — Блум, по-одиссеевски безымянный, не названный, благонамеренный и хитроумный, напомнил Хайнсу, что он может успеть в кассу газеты, где они оба работали (Хайнс — репортером, Блум — по сбору объявлений), чтобы получить зарплату. Таким образом Блум надеялся получить три шиллинга, которые Хайнс уже давно был ему должен. Надежды его не оправдались.

** "Старуха с Принцевой улицы"... — имеется в виду газета "Фримэн", где работают Блум и Хайнс.

воления, основана Парнеллом, чтоб была другом рабочего человека. Послушайте только о смерти и рождении в этой Ирландской — все для Ирландии — независимой газете, а о бракосочетаниях уж и говорить не придется.

И он начинает читать вслух.

— *Гордон, Барнфилдский переулок, Экзетер, Редмэйн из Иффли, Ст.Анн-на-взморье, супруга Уильяма Т.Редмэйна, сообщают о рождении сына. А это каково? Райт и Флинт, Винсент и Жиллетт с Ротой Марион, дочерью Розы и покойного Джорджа Альфреда Жиллета, 179 Клапэм роуд, Стоквелл, Плэйвуд и Рисдэйл в церкви Св.Иуды Кенсингтонского. Обряд исполнил преподобнейший д-р Форрест, декан Вустура, а? Смерти: Бристоу, у Уайтхолл лэйн, Лондон: Карр, Сток Нью-ингтон от гастрита и болезни сердца, Реджи, Реззи В.Хью из Моунт Хаус, Чепстоу...*

— Этого я знаю, — говорит Джо, — по горькому опыту.*

— *Реззи В.Хью. Димси, супруга Дэвида Димси, б.сот.адмиралтейства: Миллер, Тоттенхэм, в возрасте 85 лет: Уэльш, 12 июня, в Ливерпуле, Канинг стрит 35, Изабелла Эллен. И это называется ирландская пресса, а, мой лохматый друг? А где же Мартин Морфи, мастеровой из Бантри?*

— Ну, ладно, — говорит Джо и подает выпивку кругом. — Слава Богу, что хоть в этом они нас обогнали. Пейте, гражданин.

— Я выпью, — говорит, — почтенный компатриот.

— Здоровье, Джо, — говорю. — Пошли-поехали.

Ааа! Ооо! Ни слова! Я досиня заплесневел в ожидании этой пол-литры. Господом Богом клянусь, слышно было, как она ухнула о дно желудка.

И се,** когда они упивались веселящей сердца влагой, богоравный вестник быстро взошел к ним, сияя, как зрак небесный, пригожий юноша, а вслед за ним прошествовал старец благородной поступи и обличия, несущий священные свитки

* "По горькому опыту"... — не только у Джо есть горький опыт такого рода — как мы узнаем в дальнейшем, Рассказчик тоже страдает от гонореи.

** "И се..." — вошел Берган, мимо прошли Деннис Брин с супругой.

закона, и с ним его госпожа супруга, нет равных ее роду, нет соперниц ее красе.

Малыш Альф Берган влетел в дверь и загнулся за стойкой Барни, задыхаясь от смеха, а кто сидел там в углу, я его раньше не заметил, в полной отключке, храпит с перепою, только Боб Доран. Я не понял, в чем дело, а Альф все показывает на дверь. И, бля буду, что это было, только тот блядский шут гороховый Деннис Брин в шлепанцах и с двумя блядскими книжками под мышкой, а за ним по горячим следам его жена, несчастная бедолага, семенит, как пудель. Я думал, что Альф лопнет.

— Посмотрите на него, — говорит. — Вертухается вокруг всего Дублина с открыткой, ему кто-то послал, а на ней две буквы — н.а. — на на ней, и он по...

И он снова зашелся.

— Что "по"? — говорю.

— Подает за пасквиль на десять тысяч фунтов.

— Ах ты, дьявол! — говорю.

Блядская помесь заворчала так, что хоть в кого вселила бы страх Божий, что мол будет, но гражданин дал ей пинка в ребро.

— *Би и до хост*,* — говорит он.

— Кто? — говорит Джо.

— Брин, — говорит Альф. Он был у Джона Генри Ментона, а затем пошел к Коллису и Уорду, а потом его встретил Том Рочфорд и для потехи сгонял к помшерифа. О Боже, сил больше нет смеяться. Н.а. — на... Длинный глянул на него, как вынес приговор, и теперь блядский придурок побежал на Зеленую улицу, искать управы у властей.

— Когда Длинный Джон собирается вздернуть того молодца в Маунтджое? — говорит Джо.

— Берган, — говорит Боб Доран, очухиваясь. — Это — Альф Берган?

— Да, — говорит Альф. — Вздернуть? Погодите, сейчас я вам покажу что-то. Эй, Терри, принеси нам наперсток!

* "Би и до хост" — заткнись (ирланд.)

— Этот чертов мудака! Десять тысяч фунтов. Жаль, что вы не видели глаза Длинного Джона. Н.а...

И он снова закатился.

— Над кем это ты смеешься? — говорит Боб Доран. — Это — Берган?

— Поживее, Терри, милочка, — говорит Альф.

Теренс О'Райан внял зову и тотчас поднес ему хрустальный кубок, наполненный до краев пенистым эбеновым элем, коий благородные близнецы Браг-Ивэй и Браг-Ардилаун присно варят в своих олимпийских чанах, хитроумные, как не ведающие смерти сыны Леды. Собирают они сочные ягоды хмеля и просеивают их и отбирают, и давят, и варят брагу, и смешивают впредь с кислицей, и подают сусло на священный огонь, и не покладают ни днем, ни ночью рук от труда своего, сии хитроумные братья, владыки чанов.

И тогда ты, рыцарственный Теренс, поднес прирожденно-благородным жестом хрустальный кубок и предложил сей нектароподобный напиток жаждущему, о рыцарственная душа, Теренс, красую равный бессмертным богам.

Но он, юный вождь клана О'Берганов, не мог позволить другим превзойти и затмить его щедростью и великодушием, и засим преподнес он Теренсу грациозным жестом куну драгоценной бронзы. А на ней басманен рукой умелого златокузнеца, зрим был образ королевы венценосной стати, дщери дома Брунсвиков, Виктория имя Ея, Ее возвышеннейшее Величество милостью Божией Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии и британских заморских владений королева, защитница веры, Императрица Индии, держащая бразды правления, победительница многих народов и языков, многовозлюбленная, ибо все знали и любили ее от восхода солнца до его последующего заката: бледные, смуглые, румяные и эфиопы.

— Что этот блядский фармазон* там делает? — говорит гражданин. — Шастает взад-вперед за дверь?

— Что? — говорит Джо.

* "Фармазон" — Блюм действительно франкмасон.

— Вот, — говорит Альф, — выдавливая звяк. — К слову о вздернуть. Сейчас я покажу вам что-то необыкновенное. Письма палачей.* Смотрите.

И он вынимает связку замахренных писем с конвертами из кармана.

— Штукаришь? — говорю.

— Честное индейское, — говорит Альф. — Читайте.

Ну, Джо взял письма.

— Над кем это ты смеешься? — говорит Боб Доран.

Ну, я понял, что скоро пойдет пыль. Боб чудачит, когда портер подопрет, ну я говорю, чтоб замаять для ясности:

— Как Вилли Мюррей поживает, Альф?

— Не знаю, — говорит Альф, — я повстречал его только что на Кэйпел стрит с Падди Дигнамом, но я так спешил...

— Ты чего? — говорит Джо, роняя письма. — С кем?

— С Дигнамом, — говорит Альф.

— С Падди? — говорит Джо.

— Да, — говорит Альф. — А что?

— Ты что, не знаешь, что он умер? — говорит Джо.

— Падди Дигнам умер? — говорит Альф.

— Ага, — говорит Джо.

— Да я его и пяти минут не прошло, как видал, — говорит Альф, — ясно, как собственный хобот.

— Кто еще умер? — говорит Боб Доран.

— Значит, ты видел его призрак, — говорит Джо. — Господи, спаси и помилуй.

— Что? — говорит Альф. — Благий Иисусе, только пять... Что?.. и Вилли Мюррей с ним, они оба около этого какегозвать... Что Дигнам умер?

Чо насчет Дигнама? — Говорит Боб Доран. — Кто это говорит о....

— Умер! — говорит Альф. — Не мертвее вашего.

— Может, оно и так, — говорит Джо, — но они все же рискнули похоронить его с утра.

* "Письма палачей"... — веревки, петли и прочие сувениры такого рода украшали стены пивной Барри Кирнана, которую в основном навешали лица судейской профессии.

— Падди? — говорит Альф.

— Ага, — говорит Джо. — Расплатился натурой с натурой, да помилует Господь его душу.

— Благий Иисусе! — говорит Альф.

Бля, он был, что называется, обескуражен и ошеломлен.

В темноте ощущались трепетания рук духа, но когда тантральное моление было направлено в желаемую четверть, постепенно стало заметно слабое, но постоянно возрастающее рубиновое свечение, и затем возникло привидение эфирного двойника, в особенности похожее на живого благодаря испусканию иевических лучей из темени и лица. Контакт осуществлялся через посредство слизистых оболочек, а также с помощью огненно-оранжевых и алых лучей, эманация которых наблюдалась из района солнечного сплетения и из центра святости. Дух отозвался на свое земное имя и на вопрос о месте своего обретания в горнем мире ответил, что он стал на путь пралайи или возвращения, но все еще страдает от рук определенных кровожадных духов низшего астрального уровня. Будучи спрошен о своих первых ощущениях за великим рубежом эфирного мира, дух отвечал, что поначалу видел все, как сквозь стекло, неясно, но что для перешедших открываются вершинные возможности атмического развития. Поставленный перед вопросом, напоминает ли потусторонняя жизнь наше плотское существование, он заявил, что их эфирные жилища оборудованы всеми современными удобствами, такими как талафана, масараправад, газ, ватаклазет, и что адепты высшего ранга омываются волнами неги и сладострастия чистейшего свойства. Потребовал стакан кефира, оный был доставлен и произвел очевидное облегчение. Спрошенный, нет ли у него вестей для живых, он призвал всех, находящихся по сю сторону, Мойя,* принять истинный путь, поскольку в деванических кругах муссируются слухи, что Марс и Юпитер затеяли недоброе в восточном углу, находящемся под властью Тельца. При выяснении особых пожеланий усопшего, был получен ответ: *Мы приветствуем вас, друзья земли, которые все еще во плоти. Смотрите, чтоб Г.К. не обод-*

* Мойя — как будто (ирланд.)

рал как липку. Как удалось установить, речь шла о м-ре Корнелиусе Келлехере, директоре популярного похоронного бюро Г.Д.О'Нейла, личном друге покойного, распоряжавшемся погребальными процедурами. Перед отбытием дух потребовал передать его дорогому сынку Патси, что второй сапог, который он искал лежит в настоящий момент под комодом в задней комнате, и что следует послать эту пару сапог к Каллену, только набойки сделать, потому что каблуки покамест годятся. Он признал, что это немало нарушало его душевный покой в горнем мире и настойчиво потребовал довести до сведения заинтересованных лиц его волю. Сторонами были сделаны заверения в том, что на данный вопрос будет обращено должное внимание и конфиденциальные источники сообщили, что данные заверения были встречены с удовлетворением.

Он покинул уделы смертных: О'Дигнам, солнце нашей зари. Борза была ступня его по папороти, о Патрик, чело лучезарное. Стенай, Банба, своими ветрами, стенай, о океан, своими ураганами.

— Вот он снова, — говорит гражданин, — уставившись на дверь.

— Кто? — говорю.

— Блюм, — говорит. — Патрулирует взад-вперед уже минут десять.

И, бля буду, его физиомордия зыркнула и снова отсохла.

Малыш Альф совсем закособочился, в Бога и в мать, совсем.

— Благий Иисусе, — говорит он, — я готов был поклясться, что это он.

Тут говорит Боб Доран, шапка съехала на затылок, последний подонок во всем Дублине, когда под градусом:

— Кто сказал, что Иисус — благий?

— Прошу вашего пердения, — говорит Альф.

— Благий Иисус, — говорит Боб Доран, — забрал бы бедняжку Вилли Дигнама?

— Ну, ладно, — говорит Альф, стараясь замять дело. — Его горести миновали.

Но Боб Доран продолжает орать вне себя:

— Он блядский головорез, говорю я вам, что забрал бедняжку Вилли Дигнама.

Терри подошел и подмигнул ему, чтоб стих, мол такие разговоры им ни к чему в приличном питейном заведении. Тут Боб Доран распустил слюни о Падди Дигнаме, чтоб мне не сойти с места.

— Прекрасный человек, — говорит он, заливаясь слезами, — чистой и благородной души.

У тебя всегда слеза недалеко от глаза. Несет вздор сивой кобылы. Пошел бы лучше домой к этой сучке придуристой, на которой он женился, Муни, дочке жопристава на побегушках. А мать держала притон на Хардвик стрит, ошивалась по лестничным клеткам, рассказывал мне Бантам Лайонс, он там остановился в два часа ночи — ни клочка на теле, выставляет себя напоказ, свободный доступ для всех желающих, честная игра на равных началах.

— Честнейший, благороднейший, — говорит. — И сгинул, бедняжка Вилли, бедняжка Падди Дигнам.

И опечаленный, с тяжким сердцем оплакал он сей угасший луч небесного сияния.

Чертов Гарриоуэн снова заворчал на Блюма, который ошивался у дверей.

— Заходите, заходите, он вас не съест, — говорит гражданин.

Ну, Блюм вихляет внутрь, штукарским глазом своим косит на пса и спрашивает Терри, не было ли Мартина Каннингэма.

— О Иисусе Мак-Карти, — говорит Джо, читая одно из писем. — Только послушайте, а?

И он зачитывает одно.

7, Хантер стрит, Ливерпуль

Главному шерифу Дублина, г.Дублин

Почтенный сэр я спешу предложить свои услуги в вышеуказанном грустном деле я повесил Джо Ганна в Бутельской тюрьме 12 февраля 1900 и я повесил...

— Покажь нам, Джо, — говорю.

...рядового Артура Чейза за зверское убийство Джесси Тилзит в Пентонской тюрьме и я был подручным когда...

— Иисусе, — говорю.

...Биллингтон казнил ужасного убийцу Жабу Смита...

Гражданин попробовал ухватить письмо.

— Потерпите, — говорит Джо, — *я особо приемист накидывать петлю если просунет ужо не вылезет в надежде на ваше благоприятствование остаюсь, почтенный сэръ, мои условия пять гинеев.*

В.Рамболд, мастер-брадобрей*

— И по масти хуже зверей, — говорит гражданин.

— И грязные каракули у твари, — говорит Джо. — На возьми, — говорит, — ну к черту с глаз долой, Альф. Привет, Блюм, — говорит, — что будете пить?

Ну, стали они спорить, Блюм говорит не стану и не могу и извините, мол, не сочтите за обиду, и все такое прочее, а затем говорит, ладно, возьмет, мол, только сигару. Бля, это хитроумный член, спору нет.

— Дайте-ка нам вонючку поотборнее, Терри, — говорит Джо.

Ну, Альф рассказал нам, что один молодчик послал свою карточку в знак соболезнования в траурной каемке.

— Все они брадобреи, — говорит он, — из черного края, готовы повесить родного отца за пять целковых наличными плюс дорожные расходы.

И он рассказывает нам, внизу, мол, поджидают двое подручных, виснут у него на ногах, когда упадет доска, чтобы придушить как следует, а затем они срезают веревку и продают куски по несколько монет с кумпола.

В темной земле обретаются они, мстительные рыцари бритвы. Губительную пеньку сжимают и прочь ведут в Эреб латника иль смерда, что решился на кровавое дело, ибо Я не потерплю сего, воистину, се рек Господь.

Ну, стали они толковать о смертной казни и, конечно, Блюм выступает со своими "почему" и "поэтому" и развел

* В.Рамболд — реальная личность. Был английским послом в Цюрихе и попортил немало крови Джойсу по мелочам. Джойс по-своему сквитался с ним, назвав его именем палача. (В главе "Цирцея" он появляется как "Вилли-вешатель, к вашим услугам".) Другой английский чиновник Джо Ганн упоминается здесь же как висельник.

кодексологию, а чертов пес все время принюхивается к нему, говорят, что у жидков особый запах и собаки его чуют, не знаю и сдерживающее влияние и для острастки и прочее и прочее.

— На одну штуку она не оказывает сдерживающего влияния, — говорит Альф.

— Это на какую? — говорит Джо.

— На прибор висельника, — говорит Альф.

— Да ну? — говорит Джо.

— Святая истина, — говорит Альф. — Слышал я от главного вертухая, а он служил в Килмайнхаме, когда повесили Джо Брэди Несокрушимого. Он говорил мне, когда они его срезали, прибор торчал им в морды, как кочерга.

— Охота пуще смерти, — говорит Джо, — как говорится.

— Это можно объяснить научно, — говорит Блюм. — Это вполне естественный феномен, как вы не видите, вследствие того, что...

И пошел своими языколомами изъясняться: феномен и естествознание, и тот феномен, и этот феномен.

Заслуженный ученый герр профессор Луитпольд Блюмендуфт предложил убедительное доказательство тому, что резкий перелом шейного позвонка и последующее расчленение спинного хребта неизбежно приводит, с точки зрения апробированных временем медицинских теорий, к внезапному ганглиозному возбуждению нервных центров субъекта, что заставляет пористые ходы *corpora cavernosa* быстро сузиться таким образом, что приток крови в ту часть мужской анатомии, которую справедливо именуют пенисом или мужским органом, вызывает любопытный феномен, выражающийся в появлении патологической филопрогенитивной жетородной эрекции *in articulo mortis per diminutionem capitis*.

Ну, конечно, гражданин только и ждал повода, и полил, как из шланга, насчет несокрушимых и старой гвардии и поколения шестьдесят седьмого, и кто боится вспоминать девяносто восьмой, и Джо ему подпевает, о всех, кто был повешен, четвертован и выслан во имя дела военно-полевыми судами линча, и новая Ирландия, и новое то и се. Чем заливать о новой Ирландии, пошел и завел бы себе нового пса, точно

говоря. Паршивая прожорливая бестия, принюхивается и суется во все углы и скребет свои проплешины, и так добирается до Боба Дорана, а тот угощал Альфа четвертушкой, подлизывается, авось что перепадет. И, конечно, Боб Доран начинает дурака валять:

— Дай лапу! дай лапу, песик! Хороший песик. Дай лапку, песик. Дай нам лапку!

Арра! Налапал он конец этой лапе, и Альф пытается удержать его, чтобы не громыхнулся со своего блядского табурета на блядскую псину, и распускает слюни: гуманная дрессировка, породистый пес, умная собака — просто тоску наводит. Затем он выковырял остатки бисквитов из жестянки "Иакова", за которой он сгонял Терри, бля буду, он сглотнул их, как пару сапог, и язык свисает на метр, просит еще. Без малого умял и самое жестянку, голодный ублюдок.

А гражданин и Блюм все спорят о главном, о братьях Ширс и Вулф Тоунс за Арбор Хиллом, и Роберт Эммет, и умереть за родину, и что сделал Томми Мур с Саррой Каррен, а она уже далече. И Блюм само собой со своей пудовой сигарой кобенится, лощеная морда. Феномен! Эта бочка сала, на которой он женился, отменно клевый феномен с задом, как карусель. Когда они торчали в *Городском гербе* рассказывал мне Писсатель Бурк, была там старуха с задвинутым обалдуем-племянником, и Блюм пытался вешать ей лапшу на уши, как девочке, в глаза заглядывал и хвостом вилял и в безик играл, чтоб оторвать кус вампума, по старухиному завещанию и не ел мяса по пятницам, потому что была она брюхобойкой и лампадницей, и выводил ейного мудака погулять, и однажды провел его по всем кругам Дублина и, клянусь Святым пухом, не заиграл отбою, пока не привел его домой, наглотавшегося, как сову в спирту, и говорит сделал это, чтоб научить его вреду пьянства, и, так твою селедку, если три женщины эти без малого не зажарили его живьем, странный это рассказ, старуха, жена Блюма и м-с О'Дауд, хозяйка отеля. Иисусе, посмеялся я у Писсателя Бурка, когда он представлял их в пене и Блюма, знай талдычит свое, *да разве вы не видите и но с другой стороны*. И конечно, к слову, этот обалдуй, говорят, с тех пор зачастил к Пауэру, к пивовару, за

углом на Коун стрит, по пять раз в неделю его домой без ног оттаскивали на извозчике, после того как напробуется вволю от всех бочек блядского заведения. Феномен!

— За павших, — говорит гражданин, подымает свою поллитровую и пристально смотрит на Блюма.

— За павших, — говорит Джо.

— Вы не уловили моей мысли, — говорит Блум. — Я имел в виду...

— *Шин Фейн!* — говорит гражданин. *Шин Фейн ауон!** Плечом к плечу с любимыми друзьями, лицом к лицу с ненавистными врагами!

Последнее прости было трогательным донельзя. На близких и дальних колокольнях непрерывно звонили погребальные колокола, и над угрюмыми погостами перекатывалось злое предупреждение сотен приглушенных барабанов, перемежавшихся гулками залпами артиллерийских орудий. Оглушительные удары грома и ослепительные вспышки молнии, которые озаряли эту мрачную картину, свидетельствовали о том, что силы небес добавили свое сверхестественное величие к и без того ужасающему зрелищу. Тропический ливень обрушился из разверзнутых хлябей разъяренного неба на непокрытые головы собравшегося многолюдия, насчитывавшего, по самой нижней оценке, не менее пятисот тысяч лиц обоего пола. Подразделение Дублинской Городской Полиции под личным командованием самого Комиссара Полиции охраняло порядок в несчетной толпе, которой помогал скоротать затянувшееся ожидание Иоркский Оркестр духовых и народных инструментов, восхитительно исполняя на своих обвитых траурным крепом инструментах несравненную мелодию, полюбившуюся нам с колыбели благодаря жалостливой и кроткой музе Сперанцы. Для удобства наших деревенских кузенов, коих собрались немалые контингенты, были организованы специальные железнодорожные экскурсии и предоставлены мягкие комфортабельные шарабаны. Большое удовольствие доставили собравшимся известные любимцы дублин-

* Шин Фейн ауон — название и лозунг националистической партии "Только мы сами";

ской публики, уличные певцы Л-н-г-н и М-л-г-н, которые спели *Ночь перед тем, как вздернули Гарри* в своей обычной веселящей душу манере. Наши два неповторимых весельчака развернули бурную торговлю своими афишками среди любителей комического жанра, но ни один человек, у которого в сердце есть место для чистого — без пошлостей — подлинно ирландского веселья, не упрекнул бы их за эти в поте лица заработанные гроши. Детишки из Гошпиталя для найденышей мужескаго и женскаго полов, столпившиеся в оконных проемах, выходящих на площадь, пришли в восхищение от этого непредвиденного пополнения к числу назначенных на этот день увеселений, и здесь стоит вставить хвалебное слово Бедным Сестрам за их великолепную идею — дать бедным сироткам шанс посмотреть на подлинно поучительное зрелище. Вице-королевский поезд, где находились многие популярные дамы высшего света, был препровожден Их Сиятельствами на лучшие отборные места на главной трибуне, в то время как колоритная и экзотическая иностранная делегация, известная как "Друзья Изумрудного Острова" разместились на противоположных подмостках. Делегация, явившаяся в полном составе, включала коммендаторе Бачибачи Бенинобеноне* (полупарализованный *дуайен* группы, которому помогли устроиться на его месте с помощью парового подъемного крана), м-сье Пьер Поль Петитпатант; Великий Грецорх Владинмир Велосипедов, Эрцгрецорх Леопольд Рудольф фон Шванценбад-Ходенталер, графиня Марта Вирага Кисашони Путрапешти, Хирам И.Бомбуст, граф Атанатос Карамелопулос, Али Баба Бакшиш Рахат Лукум-эффенди, сеньор гнидальго Кабальеро дон Пекадильо-и-Палабрас-и-Патерностер де ла Малора де ла Малярия, Хокопоко Харакири, Хи Ху Чай, Олаф Кобберкеддельсен, минхер Туз ван Пик, пан Поллях Паддирезкий, гусьподин Прхклстр Кращинабрищиситич, герр хурхаусдиректорпрезидент Ганс Чуешьли Штоесли, Национальгимназиуммузеумсанаториумисуспенсориумординарныйприватдоцентобщейисторииспециальныйпрофессордоктор

* Бачибачи Бенинобеноне — это и другие — шутливые и иронические имена: Чмокчмок Нифигадофига, Лентяй из Мудовой долины, Войномир и т.д.

Кригфрид Убералгемайн. Все делегаты без исключения отозвались крайне резко и гетерогенно относительно того безымянного варварства, свидетелями коего они были приглашены стать. Оживленные дебаты (в которых все приняли участие) завязались среди членов Ирландского Общества, является ли 8 и 9 марта подлинным днем рождения святого покровителя Ирландии. В ходе спора стороны обменялись ударами и обратились к пушечным ядрам, домбрам, бумерангам, арбалетам, аркебузам, ночным вазам, мясорубкам, зонтикам, катапультам, метелкам, мешкам с песком и чугунным слиткам. Малютка-лицейский констебль Мак-Фадден, вызванный специальным нарочным из Бутерстоуна, быстро навел порядок и с молниеносной находчивостью предложил в качестве компромисса, одинаково почетного для обеих сторон, избрать семнадцатое число. Предложение смекалистого полтора-саженного полицейского пришлось всем по вкусу и было единогласно принято. Констебль Мак-Фадден принял поздравления членов Ирландского Общества, многие из которых истекали кровью. Когда удалось извлечь командаторе Бениноненоне из-под его президентского кресла, его юрисконсульт адвокато Пагамими объяснил собравшимся, что различные предметы, спрятанные в его тридцати двух карманах, были изъяты им во время суматохи из карманов его младших коллег в надежде облагородить их. Эти объекты (включая несколько сот мужских и дамских золотых и серебряных часов) были поспешно возвращены их законным владельцам, и на площади воцарилась всеобщая гармония.

Тихо, непритязательно, Рамболд ступил на эшафот в своем безукоризненном смокинге и с любимым цветком *Gladiolus Cruentus*. Он объявил о своем присутствии тем мягким Рамбольдовским покашливанием, которое столь многие безуспешно пытались имитировать — кратким, кропотливым, точным и вместе с тем настолько своим и личным, присущим только ему. Появление всемирно известного мастера заплечных дел было встречено громом приветственных кликов собравшимися ценителями его искусства, вице-королевские леди махали ему в восхищении платочками, в то время как более восторженные по характеру иностранные делегаты сли-

лись в многоголосом реве, выкрикивая *хох, банзай, аллен, живио, чинчин, пола крония, хипхип, вив, Алла*, но среди их голосов взвивалось, легко различимое, двойное Фа, напомнившее нам те душещипательные ноты, которыми евнух Каталани очаровывал наших прабабушек, — это было звенящее *эввива* депутата страны песен.

Пробило семнадцать. Мегафон подал немедля сигнал к молитве, и моментально все шляпы слетели с голов, а патриархальное сомбреро командаторе, передававшееся из рода в род в его семье с времен революции Риенци, было удалено его лейб-лекарем д-ром Пиппи. Ученый прелат, принеший последнее утешение нашей святой веры герою-мученику, близящемуся к часу своей геройскомученической кончины, склонил колена в подлинно христианском порыве в дождевой луже, покрыв сутаной свою седовласую голову, и вознес к трону Всевышнего свою истовую мольбу. Рядом у плахи стояла мрачная фигура палача, обличие которого скрывалось под пятиведерной бадьей с двумя прорезанными окружностями правильной формы, сквозь которые яростно поблескивали его глаза. Ожидая судьбоносного сигнала, он проверил лезвие своего ужасного оружия, проводя им по своей мускулистой руке, или быстро обезглавливая отару овец, поставленных поклонниками его жестокого, но необходимого ремесла. На элегантном инкрустированном столике рядом были аккуратно разложены резак для четвертования, различные причудливой формы и тонкой работы приспособления для потрошения (поставляемые по особому заказу всемирно известной фирмой по изготовлению столового серебра "Джон Раунд и Сын", Шеффильд), керамический соусник для помещения в оный извлеченных двенадцатиперстной, ободочной и слепой кишок, а также аппендикса и т.д., и два вместительных молочника, предназначенных для размещения драгоценнейшей крови драгоценнейшей жертвы. Попечитель объединенного Дома для котов и собак находился рядом, чтобы препроводить эти сосуды после их наполнения в это благотворительное заведение. Прехорошенькая трапеза, состоящая из яичницы с подрумяненными ломтиками ветчины, бифштекса с луком, аккуратненько прожаренного, сдобных булочек

прямо из печи и бодрящего ароматного чая, была заботливо предоставлена властями для потребления центральной фигуре трагедии, причем виновник торжества был в отменном расположении духа и, будучи приговорен к смерти, проявлял живой интерес к происходящему сначала до конца, но он в порыве самоотречения, редком в наши дни, благородно воспользовался предоставленной возможностью сотворить добро и в качестве своего последнего желания (незамедлительно исполненного) попросил, чтобы это угощение было разделено равнообъемно между нуждающимися и хворыми членами ассоциации владельцев меблированных комнат в знак своего внимания и уважения. *Нек и нон плюс ультра*, апогей чувств был достигнут, когда стыдливая невеста пробила себе путь сквозь плотные ряды зрителей и бросилась на мускулистую грудь того, кто готовился предстать во имя ее пред вечностью. Герой заключил ее хрупкие формы в любовном объятии, нежно бормоча: *Шейла, моя милая*. Подбодренная этим употреблением ее крестного имени, она страстно расцеловала всевозможные подходящие части его особы, до которых скромность тюремного облачения позволяла ее пылу добраться. Она поклялась ему, когда соленые потоки их слез слились воедино, что она вовеки будет дорожить его памятью, что она никогда не забудет своего любимого мальчугана, пошедшего на смерть с песней на устах, как на игру в городки в Клонтурском парке культуры и отдыха. Она освежила в его памяти счастливые безоблачные дни их блаженного детства, проведенного на берегах Анны Лиффи, когда они оба предавались невинным забавам юности, и, позабыв ужасное настоящее, они сердечно рассмеялись, и все зрители, включая преподобного пастора, присоединились к общему веселью. Эта чудовищная публика чуть животики от хохота не надорвала. Но вот их охватило горе, и в последний раз они переплели руки. Новый поток влаги хлынул из их слезных протоков, и огромная толпа, задетая за живое, забилась в душераздирающих стенаниях. И не последним из задетых за живое оказался и сам преклонный пребендарий.

Здоровые мужики, хранители порядка, великодушные великаны королевской ирландской полиции, не скрываясь, по-

лезли за носовыми платками, и можно смело сказать, что во всем этом небывалом по своим размерам скоплении нельзя было найти ни одного сухого глаза. Подлинно романтическое происшествие не заставило себя ждать, когда молодой красавец, выпускник Оксфорда, известный своим рыцарством по отношению к прекрасному полу, вышел из рядов зрителей и, предъявив свою визитную карточку, банковскую книжку и генеалогическое древо, просил руки несчастной девицы, требуя ее самое назначить день венчания, и получил ее согласие, не сходя с места. Все присутствовавшие дамы и девицы получили в дар элегантный сувенир в память о событии — брошку в виде черепа со скрещенными костями, причем этот великодушный и своевременный шаг вызвал новую вспышку страстей и чувств, и, когда галантный юный оксфорд (к слову, носитель одного из самых освященных временем имен в истории Альбиона) надел на пальчик своей застенчивой избранницы дорогое обручальное кольцо с изумрудами в форме четырехлиственного клевера, восхищение и восторг не знали границ. Да, даже суровый профос, подполковник Томкин-Максвелл ффренчмуллан Томлинсон, руководивший этой грустной церемонией, он, привязавший немало сипаев к жерлу пушки, не моргнув глазом, на этот раз не смог сдержать своих естественных эмоций. Стальной перчаткой он смахнул непрошенную слезу, и, как услышали те почтенные горожане, которым выпала честь находиться в его антураже, пробормотал в седые усы прерывающимся голосом:

— Разрази меня Господь, ежели эфта вот треклятая деваха не самая что ни на есть треклятая красотка. Разрази меня Господь, это прямо прошибает треклятую слезу, в мать и душу, потому что напоминает мне о моей верной маштубе, которая ждет меня там, по дороге на Лаймхауз.

Ну тут гражданин начинает толковать об ирландском языке и о собрании Лиги, и прочее, и о *шонинах** обангличаненных, которые не знают своего собственного языка, и Джо встречается, чтобы зашибить у кого целковый, и

* Шонин — перебежчик (ирланд.)

Блюм фраерит со своим двухкопеечным окурком, который он выклянчил у Джо, и несет о Гэльской лиге и Лиге трезвенности и пьянстве, этом биче Ирландии. Трезвенность тут в самый раз. Бля, можно ему влить в глотку все пойло в мире, и раньше Господь призовет его, чем вы хоть пену на его угощении увидите. Пошел я однажды с приятелем на их музыкальный вечер, пляски и спевки насчет могла залезть на скирду ко мне Маурин Лэй при полной луне, и был там массовик-затейник с голубым бантом на рукаве, так и прет из него по-ирландски, и *коллины-девахи** разносят безалкогольные напитки и продают медали и апельсины, и лимонад, и засохшие черствые сайки, бля, *флагульное*** развлечение, слов нет. Ирландия трезвая — Ирландия свободная. А затем один старикан начал дудеть в свою волынку, и все эти долбозвоны волокут ноги в лад, от которого старая буренка окочурилась. И долгополые секут, чтоб не допускали чего с женским полом, удар ниже пояса.

Нукакбытонибыло, как я говорил вам, псина увидала, что жестянка пуста и принялась отираться вокруг Джо и меня. Я бы задал ему гуманную дрессировку, не упустил бы, если это был бы мой пес. Дать ему отменного пинка для ободрения время от времени туда, где у него глаз нет.

— Боишься, что укусит? — говорит гражданин и скалится.

— Нет, — говорю, — что примет мою ногу за фонарный столб.

Ну, он окликнул псину.

— Что на тебя нашло, Гарри? — говорит он. И начинает мять его и тискать и говорить с ним по-ирландски, и барбос порыкивает в ответ, вроде дуэт в опере. Такого рычания, как промеж этими двумя, вы не слышали. Кому лучше на ум не приходит, взял бы и написал письмо в газету *pro bono publico*; насчет правил о намордниках для таких псов. Рычит и ворчит, и глаз налит кровью с пересыху, и гидрофобия так и течет из пасти.

* Коллин — девушка (ирланд.)

** Флагулак — роскошный, княжеский (ирланд.)

Те, кого интересует распространение человеческой культуры среди низших животных (а имя им — легион), должны приложить все усилия, чтобы не пропустить воистину восхитительную демонстрацию кинантропии, представляемую знаменитым ирландским сеттером-волкодавом, ранее известным под *псевдонимом* Гарриоуэна, а недавно переименованного широкими кругами своих друзей и приятелей в Оуэна Гарри. Демонстрация, ставшая возможной благодаря годам гуманной дрессировки и тщательно продуманной системы питания, включает, кроме прочих достижений, и эстрадное чтение стихов. Наш крупнейший современный специалист по фонетике (нас с ним водой не разольешь!) не пощадил усилий, чтобы прояснить и сравнить должным образом декламируемое стихотворение с прочими шедеврами, и нашел, что оно отличается *поразительным* (курсив наш) сходством с ранними древних кельтских бардов. Здесь мы имеем в виду не столько те очаровательные любовные песнопения, с которыми писатель, скрывающий свою личность под элегантным псевдонимом Душистая Веточка, ознакомил весь читающий мир, но скорее (как читатель Д.О.С. отмечает в своем интересном сообщении, опубликованном в вечернем издании), те более суровые и личностные стихи, которые можно повстречать в сатирических жалающих строках знаменитого Рафтери или Доналда Мак-Консидайна, не говоря уж о более современном лирике, находящемся сейчас в центре внимания публики. Мы прилагаем образец, переведенный тем блестящим ученым, чье имя в настоящий момент мы не вправе опубликовать, хотя мы верим, что для наших читателей сказанное выше послужит более чем намеком. Метрика собачьего оригинала, напоминающая изысканные правила аллитерации и изосиллабического стихосложения валлийского энглина, несравненно более сложна, но мы убеждены, что наши читатели согласятся с нами, что дух стиха был хорошо уловлен. Пожалуй, стоит добавить, что эффект стиха возрастет, если произносить стихи Оуэна медленно и нечетко, в манере, напоминающей приглушенное рычание.

Ругать-не-переругать

Ни в день, ни в неделю,

Барри Кирнан твою мать,
 Чтоб тебе пересохнуть
 Семь сухих сред
 Тебе, как мне
 Огнем ревут кишки
 Без капли воды.

Ну он сказал Терри принести воды псу и, бля, за милю было слышно, как он лакает. И Джо предлагает ему еще по одной.

— Выпью, — говорит он, — *а кара*, — чтоб показать, что не обижаюсь.

Бля, он не такой уж простак, хоть и на лапоть смахивает. Крутит жопой от кабака к кабаку, полагается на вашу честь, со псом старины Гилтрапа, и накачивается за счет налогоплательщиков и предпринимателей. Развлечение для человека и зверя. И Джо говорит:

— Сможешь нанести ущерб еще пол-литре?

— Может ли плава уткать? — говорю.

— Еще того же, Терри, — говорит Джо. — Не позволите предложить и вам чего-нибудь покрепче? — говорит.

— Нет, спасибо, — говорит Блум, — я, собственно, только хотел здесь встретиться с Мартином Каннингэмом,^{*} понимаете ли, насчет страховки бедняги Дигнама. Мартин попросил меня сходить с ним. Видите ли, он, то есть Дигнам, не вручил компании извещения о переуступке, и теперь, формально говоря, залогодержатель не может взыскать по суду и покрыть долги с его страхового полиса.

— Святые угодники, — говорит Джо сквозь смех. — Подкузьмили чертова Шейлока, это хорошо. Значит, жене подвезло, а?

* "Хотел встретиться с Мартином"... — здесь мы узнаем, что делает Блум на территории циклопов. Мартин Каннингэм, Пауэр и Крофтон собираются обмануть кредитора покойного Падди Дигнама, пользуясь технической уловкой, наподобие того, как Герати пытается обмануть Герцога, а Улисс — своих противников. Для исполнения своей затеи они обращаются к профессиональному обманщику (обманщику по крови, как они считают) хитроумному еврею-Одиссею-Блему. И хотя Блум соглашается помочь, это ему не по душе (как Одиссею — пьянка на острове циклопов), и весь день Блум отгоняет мысль об этой встрече.

— Что ж это мысль, — говорит Блюм, — для поклонников жены.

— Чьих поклонников? — говорит Джо.

— Сторонников жены, я хотел сказать, — говорит Блюм.

И тут стал все путать и мешать в кучу, насчет прав кредиторов в соответствии с Указом, как лорд-канцлер в суде излагает, и в пользу супруги, и что речь идет о доверительной собственности, но, с другой стороны, Дигнам задолжал Бриджмену и, если сейчас жена или вдова оспорит иск кредитора, и так совсем засрал мне мозги своим кредитором в соответствии с указом. Ему самому повезло, что не залетел в соответствии с указом в свое время за жульничество и бродяжничество, только была у него рука в суде. Продажа выигранных билетов на базаре, или, как это называется, королевская венгерская привилегированная лотерея. Чтоб я сдох! Ах, я всему предпочту сына Израиля! Королевская и привилегированная венгерская гонорей!

Ну, тут подходит Боб Доран, качаясь, просит Блюма передать миссис Дигнам, как он сочувствует ее беде и как он расстраивается, что его похоронили, и сказать ей, что он сказал, и что все, кто его знал, сказали, что чище и благороднее, чем бедняжка Вилли, что счас умер, нигде не найти, так вот и передать ей. Растрогался от собственного мудачества. И жмет руку Блюму и разводит трагедию, передайте ей, дескать, что. Пожмем руки, брат. Ты прохвост и я прохвост.

— Дозвольте мне, — произнес он, — злоупотребить нашим знакомством, кое хоть и мнится мимолетным, коль приложить к нему грубую меру времени, однакожде зиждется, как я надеюсь и полагаю, на прочном чувстве взаимной приязни, дабы обратиться с просьбой об одолжении и милости. Но коль преступил я границы допустимого, пусть искренность моих чувств послужит заступницей моей дерзости.

— Ничуть, — воскликнул тот, — я в полной мере оценил чаяния, кои подвигнули вас на сей шаг, и я исполню поручение, вверенное вами, утешаясь той мыслью, что, хоть и выпала мне печальная миссия, это доказательство вашего доверия смягчит в некоей степени горечь чаши сей.

— О допустите же мне коснуться вашей руки, — сказал он.

— Ваше благосердечие послужит, я уверен, лучшим наставником, нежели мои скудные слова, в искусстве выбора фраз, наиболее подходящих для выражения скорби, острога и сила коей, если бы я позволил своим чувствам найти выход, и вовсе лишили бы меня дара речи.

И отчалил, и пошел на выход, стараясь держаться прямо. Набрался в пять вечера. Ночью чуть было не залетел, да Падди Леонард знал постового 14А. Залил себе глаза в *шибине** на Брайд стрит после времени закрытия, вступил в половые сношения с двумя дешевками с рыбного ряда, а кот на стреме стоит, лакает пиво из чайника и прифранцузивается перед дешевками, Жозеф Мануо, и против католической веры несет, а сам служил мессу в "Адаме и Еве" в молодости с закрытыми глазами, кто написал Новый завет и Ветхий завет, и смехуечки, и поцелуйчики. А дешевки дохнут со смеху, обчистили ему карманы, мудаку чертовому, а он знай плещет портером по постели, а дешевки ссутся со смеху, друг на дружку глядя. *Как ваш завет? Нет ли у вас какого-нибудь ветхого завета?* Только Падди подвернулся часом, точно скажу вам. А затем только поглядите на него в воскресенье с его и.о. жены, как она виляет хвостом по нефу в соборе, в лаковых сапожках, не больше и не меньше, и фиалки на ей — то, что доктор прописал, строит из себя лединьку, сестра Джека Муни. И мать, старая блядища, сдает закуты парочкам из подворотни. Бля, Джек научил его любовью дорожить. Сказал, что, если не загладит вину венцом, Господи Иисусе, он из него всю дурь выбьет.

Ну Терри принес три пол-литры.

— Вот, — говорит Джо, взявший на себя честь. — Вот, гражданин.

— *Слан лат*,** — говорит он.

— Удачи, Джо, — говорю. — Здравия, гражданин.

Бля, он уже откачал полкружки. Одной удачей не отделаешься, чтоб держать такого на плаву.

* Шибин — забегаловка (ирланд.)

** Слан лат — прощевайте (ирланд.)

— Что это за долговязый целит на место мэра? — говорит Джо.

— Ваш приятель, — говорит Альф.

— Наннан? — говорит Джо. — Молчлен?

— Без имен, — говорит Альф.

— Я так и думал, — говорит Джо. — Видал я его сейчас на собрании с Уильямом Филдом ЧП, со скотоводами.

— Волосатый Иоппий,* — говорит гражданин, этот извергнувшийся вулкан, любимчик всех стран и кумир своей собственной.

Ну, Джо начинает рассказывать гражданину насчет ящюра и скотоводов и принять решительные меры, и гражданин посылает их всех к такой-то матери, и Блум выскакивает со своей герлыгой для шелудивых овец и микстурой для бронхиальных телят и с верным лечением от "деревянного языка" у коров. Потому что он прислуживал однажды на скотском дворе. Ходил вокруг с конторской книгой и карандашом, дотянись рукой до неба — почувствуешь мои муди, пока Джо Кафф не показал ему, как гонят одного остолопа в три шеи за то, что распустил язык перед скотоводом. Всезнайка. Учи свою бабушку козлов доить. Писатель Бурк рассказал мне, в отеле его жена в три ручья заливалась с миссис О'Дауд, глаза выплакивала по своему жиромясу в два вершка толщиной, не могла пердовую пружину ослабить, чтоб шукарский глаз не крутился вокруг, показывая, как это делать. Что у вас сегодня в программе? Ага. Гуманные методы. Потому что бедные животные страдают, и специалисты утверждают, и хорошо известное средство, совершенно безболезненное, осторожно нанести на больное место. Бля, у него легкая рука под курой.

Цып-цып-цып. Куд-куд-куда. Черная Лиза — наша несушка. Она несет нам яйца. Она так рада снести яйцо. Куд-куда. Цып-цып. Тогда приходит добрый дядя Лео. Он кладет руку под черную Лизу и достает свежее яйцо. Цып-Цып-Цып. Куд-Куд-Куда.

— Все равно, — говорит Джо. — Филд и Наннетти отправля-

* Иоппий — поэт, герой первой книги "Энеиды",

ются сегодня вечером в Лондон, обратиться с запросом в Палате Общин.

— Точно ли, — говорит Блюм, — и советник едет? Я как раз хотел с ним повидаться.

— Он отплывает пакетботом, — говорит Джо.

— Ах, какая беда, — говорит Блюм. Мне так было нужно. Может, только м-р Филд едет. Не мог позвонить. Нет. Это точно?

— Наннан тоже едет, — говорит Джо. — Лига посылает его сделать завтра запрос насчет комиссара полиции, запрещающего ирландские игры в парке. Что скажете, гражданин? *Слуа на-Эйрен**.

М-р Коров Конакр (Мультифарнхам, Нац.): В связи с вопросом моего почтенного коллеги, депутата от Шиллела, я бы хотел спросить Его превосходительство, действительно ли правительством были выпущены инструкции по убою скота, несмотря на отсутствие данных медицинской экспертизы, свидетельствующих об его патологическом состоянии?

М-р Чет Вероногс (Тамошант, Конс.): Почтенные депутаты уже располагают всеми доказательствами, полученными и принятыми комиссией всего парламента. Я не думаю, что я в силах добавить к вышеизложенному. На запрос почтенного коллеги дается положительный ответ.

М-р Орелли (Монтенотте, Нац.): Были ли выпущены подобные инструкции относительно убоя человеческого скота, посмевшегося играть в ирландские игры в парке "Феникс"?

М-р Чет Вероногс: Ответ — отрицательный.

М-р Коров Конакр: Не воодушевила ли знаменитая телеграмма Его Превосходительства ход мыслей господ из Казначейства? (О!О!)

М-р Чет Вероногс: Я принял этот вопрос к сведению.

М-р Пошлошутс (Банкомб, Нез.): Стреляйте без колебаний.

(Иронические выкрики оппозиции.)

Председатель: К порядку! К порядку!

(Депутаты встают. Выкрики с мест.)

* Слуа на Эйрен — сила Ирландии (ирланд.)

— Этот человек, — говорит Джо, — возродил гэльский спорт. Вот он сидит. Победитель Джеймса Стивенса. Всеирландский чемпион по метанию шестнадцатифунтового ядра. Какой был ваш рекорд, гражданин?

— *На баклеш,** — говорит гражданин, напуская скромность. — Было время, когда не уступал другим.

— Отдадим должное, гражданин, — говорит Джо. — Всех затыкал за пояс.

— Неужели и впрямь? — говорит Альф.

— Да, — говорит Блюм. — Это всем известно. Вы не слышали?

И тут они завели беседу об ирландском спорте и *шонинских* играх вроде лаунт-тенниса и хоккея и городков, и соли земли, и кондовости, и исконности, и возрождения народа, и прочее. И, конечно, Блюму нужно было вмешаться и сказать, что для человека с сердцем пловца резкие движения и грубый спорт опасен. Клянусь суппозиторием, только подберите соломинку с пола и покажите Блюму: *Глянь, Блюм. Видишь соломинку? Это соломинка.* Клянусь теткой, он с час проговорит об этом и не собьется.

Крайне интересная дискуссия проистекала под старинными сводами Ериана О'Киарнайна на Шрад-на-Бретан-Беог под эгидой Слуа-на-Эйрен, о возрождении исконно гэльского спорта и о важности физической культуры, как ее понимали в античной Греции, в античном Риме и в античной Ирландии, для развития расы. Достопочтенный президент этого благородного ордена руководил собранием, на котором присутствовали широкие массы. После поучительного наставления, сделанного председателем, — великолепный образчик ораторского искусства, облеченный в мощные и красноречивые фразы, — завязалась крайне интересная и поучительная дискуссия, как обычно высочайшего уровня, касательно желательности возрождаемости древних исконных игр и видов спорта наших древних исконно кельтских праотцев. Хорошо известный и снискавший себе всеобщее почтение труженик на ниве нашего древнего исконного языка, м-р Джозеф Мак-

* На баклеш — и не говорите об этом (ирланд.)

Карти Хайнс, обратился к собравшимся с красноречивым призывом оживить старинные исконные гэльские игры и досуги, которым денно и нощно предавался Финн Мак-Кул, в расчете на возрождение лучших традиций мужественной силы и мощи, переданных из рода в род с времен старины глубокой. Л.Блум, встреченный одновременно аплодисментами и шиканьем, сыграл роль оппонента, когда мощноголосый председатель подытожил результаты дискуссии, исполнив, отвечая на многочисленные пожелания и сердечные призывы собравшихся со всех уголков зала, на удивление достойную внимания декламацию вечно-зеленых стихов (к счастью, слишком известных, чтобы нуждаться в воспроизведении и в напоминании здесь) бессмертного Томаса Осборна Дэйвиса, *Мы вновь стали народом*, причем в их исполнении закаленный в боях патриот и чемпион, можно сказать, не боясь противоречий, прямо-таки превзошел самого себя. Этот ирландский Карузо-Гарибальди был в превосходной форме, и его зычный голос продемонстрировал все свои достоинства особо выигрышно в освященном времени гимне, гремевшем, как только наш гражданин умел прогреметь. Его восхитительное достижение на поприще вокального искусства, которое своим высоким классом и непревзойденным качеством способствовало упрочению его и без того прочной всемирной и международной репутации, было громогласно встречено бурными овациями многочисленных собравшихся, среди которых бросались в глаза многие выдающиеся особы духовного сана наряду с представителями прессы, юриспруденции и прочих ученых профессий. На этом обсуждение было завершено.

Среди присутствующего духовенства были преподобнейший Уильям Делэйни, Общество Иисуса, доктор права, наипреподобный Джеральд Моллой, доктор богословия, преп.Р.Д. Кавана, ССС, преп.Т.Уотерс СС, преп.Джон М.Иверс, П.П., преп.П.Д.Клири, ОСФ, преп.Л.Д.Хики, О.П., наипреп.бр.Николас, ОСФС, наипреп.О.Горман, ОДС, преп.Малер, С.И., наипреп. Джемс Морфи С.И., преп.Джон Лавери В.Ф., наипреп.Вильям Догерти ДБ, преп.Питер Фаган, ОМ, преп.Т.Бранган, ОСА, преп.Д.Флавин. СС, преп. М.А.Хаккет, СС, преп.У.Харли, СС,

преподобнейший и досточтимый монсиньор Мак-Манус, В.Г., преп.Б.Р.Слаттери, ОМИ, преподобнейший М.Д.Скалли, П.П., преп.Ф.Т.Пурселл, ОП, наипреподобнейший Тимоти каноник Горман, П.П.преп.Д.Фланаган СС. Среди мирян присутствовали П.Фэй, Т.Квирк и т.д.

— К слову о грубом спорте, — говорит Альф, — вы были на матче Кью-Беннет?

— Нет, — говорит Джо.

— Я слышал, Некто сорвал там куш — добрую сотню фунтов, — говорит Альф.

— Кто? Пламень? — говорит Джо.

И Блюм говорит:

— Теннис, например, развивает проворность и меткость.

— Ага, Пламень, — говорит Альф. — Он травил, что Майлер лакает и навел гандикап, а тот пахал все время.

— Мы помним его, — говорит гражданин, — Сын изменника. Мы помним, кто набил его карманы английским золотом.

— Правда ваша, — говорит Джо.

И Блюм снова встречается насчет лаун-тенниса и кровообращения и спрашивает Альфа:

— Не так ли, Берган?

— Майлер подмел им пол, — говорит Альф. — Задал ему трепку и трепкину тетку. Этот шпрот ему до пупа не доставал, а здоровяк так и наяживал. Боже, как он дал ему поддых винтом. Правила маркиза Куинсберри и все прочее, но тот аж материнское молоко сблевал.

В исторической и славной битве Майлер и Перси, эти мастера кожаных перчаток, сразились за приз — пятьдесят золотых. Несмотря на весовое преимущество противника, любимец Дублинских болельщиков доказал свое техническое превосходство в благородном искусстве бокса. Последний раунд этого фейерверка перчаток обернулся костеломкой для обоих чемпионов. Грозный старшина добавил цвета в крутой коктейль предыдущего раунда, в ходе которого Кью работал как приемник — принимал удары слева и справа, в то время как артиллерист довольно точно попадал в нос любимца Дублина, и Майлер вышел из схватки, качаясь, как под мухой. Солдат взялся за дело, начав лихим крюком слева, на

который ирландский гладиатор ответил прямым и коротким прямо в челюсть Беннета. Красномундирник нырнул, уклоняясь, но дублинец подбросил его в воздух левым крюком снизу. Двое борцов схватились в клинче. Майлер нашел применение своим талантам и подмял противника, и эта стычка завершилась тем, что здоровяк оказался на канатах, а Майлер учил его уму-разуму. Англичанин, с почти закрытым правым глазом, ушел в свой угол, где его щедро полили водой, и, когда прозвучал гонг, он рванулся на ринг полон сил и решимости, готовый вышибить проворного сына Эрина прочь из кольца канатов, не отходя от кассы. Это была схватка гигантов, и победа досталась достойнейшему. Борцы сражались как львы, и боевая лихорадка охватила зал. Рефери дважды предупреждал Прямика Перси за удержание в клинче, но малыш разошелся вовсю, и за его ногами стало трудно уследить. После короткого и быстрого обмена любезностями, в ходе которого Краса армии выцедил немало крови из губ своего оппонента, кроткий агнец вдруг встрепенулся, нанес ужасающей силы удар левой в живот Боксера Беннета и пригвоздил того к полу. Это был чистый и точный нокаут. В атмосфере тревожного ожидания были отсчитаны последние секунды для казарменного вышибалы, и секундант Беннета Оле Пфоттс Веттстайн бросил полотенце на ринг. Паренек из Сантри был провозглашен победителем перед толпой ликующих болельщиков, которые сорвали канаты, кинулись на ринг и чуть не задушили победителя в порыве восторга.

— Этот своего не упустит, — говорит Альф. — Я слышал, что он сейчас организует гастроли на севере.

— Да, — говорит Джо. — Не так ли?

— Кто? — говорит Блюм. — Ах да. Действительно. Эдакое летнее турне, понимаете. Отдых, собственно говоря.

— Миссис Б. блистает в этом созвездии, не так ли? — говорит Джо.

— Моя жена? — говорит Блюм. — Да, она поет. Я уверен в успехе. Он — превосходный импрессарио. Превосходный.

Ахаха, бля буду, говорю себе. Теперь все ясно — и почему у козла четыре ноги, и для чего молоко в кокосовом орехе. Пламень — денди дует в дуду. Концертное турне. Блядский

Бойлан сын прохвоста с Островного моста, что дважды загнал тех же кляч правительству, воевать буров. Старый Чочо. Я насчет пожертвований бедным и водного сбора, мистер Бойлан. Чо? Водного сбора, м-р Бойлан. Чо-чо? Этот жеребцович уже проимпресирует* ее, поверьте мне на слово. Меж мной и вами, *кад ериш*.**

Краса скалистого утеса Кальпы,^{***} чернее вороньего крыла ее волосы, дочь Твиди. Там расцвела ее несравненная прелесть, в благовонии лавра и миндаля. Садам Аламеды знакома ее поступь, оливковая роща узнавала ее и склонялась пред ней. Чиста супруга Леопольда, роскошногрудая Марион. И се, взошел некто из клана О'Моллоев, пригожий и белоликий молодец, но с багрянцем надкрылья, советник Его Величества, превзошедший законы, и с ним принц и наследник знатного рода Ламбертов.

— Алё, Нэд.

— Але, Альф.

— Алё, Джек.

— Алё, Джо.

— Храни вас Господь, — говорит гражданин.

— Вашими молитвами, — говорит Д.Д. — Что тебе, Нэд?

— Серединку наполовинку, — говорит Нэд.

Ну, Д.Д. заказал выпивку.

— Были на суде? — говорит Джо.

— Да, — говорит Д.Д. — Он вытянет, Нэд, говорит.

— Надеюсь, — говорит Нэд.

На что они бочку катят, эти двое? Д.Д. хочет смухлевать со списком присяжных, а другой ему подставляет закорки. А имя записано у Стаббса.^{****} Режется в карты, панибратствует со

* "Проимпресирует"... — уже проимпресировал. За несколько минут до этого в доме Блюма, который догадывается об измене жены с импресарио Бойланом. Этим и объясняется его фрейдистская обмолвка — "поклонники жены" вместо "сторонники жены". Эта трагедия Блюма происходит где-то на заднем плане, но можно не сомневаться, что она волнует его куда больше, чем глупости гражданина.

** Кад ериш — чо еще? (ирланд.)

*** "Краса скалистого утеса"... — жена Блюма Молли родилась на Гибралтаре, она дочь ирландского офицера и испанской еврейки.

**** Стаббс — составитель списка банкротов.

стильными франтами с фраерским моноклем в глазу, дует шипучку, а сам весь завален исполнительными листами и судебными повестками. Заложил свои золотые часы у Камминса на Франсис стрит, где его никто не знает, в конторе, а я был там с Писсателем, он сапоги выкупал у заемщика. Ваша фамилия, сэр? Конс, говорит. Ага, и с концом, говорю. Бля, он еще придет домой через Слёзную горку, рано или поздно, так я это понимаю.

— Видали этого блядского придурка Бриана там, — говорит Альф. — Н.а. на.

— Да, — говорит Д.Д. — Хочет нанять себе детектива.

— Ага, — говорит Нэд. — Он хотел было прямо пойти криво к судье, только Корни Келлехер уговорил его, убедил сперва провести экспертизу почерка.

— Десять тысяч фунтов, — говорит Альф и смеется. — Господи, все бы отдал, только услышать бы, что он будет нести перед судьей и присяжными.

— Твоих рук дело, Альф? — говорит Джо. — Правду, всю правду и только правду, и да поможет тебе Джимми Джонсон.

— Я? — говорит Альф. — Не бросайте тень на моего забора двоюродный плетень.

— Любое ваше заявление, — говорит Джо, — будет записано и использовано против вас.

— Конечно, он может предъявить иск, — говорит Д.Д. — Подразумевается, что он не *compos mentis*.

— *Compos*, твою мать! — говорит Альф и смеется. — Не знаешь, что он придурочный? Глянь на его голову. Он же шляпу без сапожного рожка надеть не может.

— Да, — говорит Д.Д., — но истинность пасквиля не является доводом против осуждения за его распространение, с точки зрения закона.

— Ха, ха, Альф, — говорит Джо.

— И все же, — говорит Блюм, — хотя бы из-за бедняжки этой, я имею в виду его жену...

— Есть чего жалеть, — говорит гражданин. — Ее или другую женщину, если идет за серединку наполовинку.

— Как серединку наполовинку? — говорит Блюм. — Вы хотите сказать...

— Я хочу сказать серединку наполовинку. Ни рыба ни мясо.

— Ни добрая утка, — говорит Джо.

— Вот это я и имею в виду, — говорит гражданин. — Чуч-
мать, если знаете что это.

Бля буду, вижу я — дело к беде. А Блум объяснил, что он имел в виду, мол, это жестоко по отношению к жене,* которой приходится ходить повсюду за старым заикой. Жестокое отношение к животным, вот что это, пустить бедного обездоленного мудака Брина на травку, чтоб запинался о собственную бороду торчком, что вместо водосточной трубы у него. А у нее все втулки из носа выбиты с тех пор, как вышла за него, потому что его дядя был попкой при Папе. Его портрет на стене с держименя ухарскими усищами. Синьор Брини из Саммерхилла, пистальянец, папский зуав при Святом Отце, покинул причал и отбыл на Мосс стрит. А кто он был, скажите, будьте любезны? А никто, палка, палка, огуречик по семь шиллингов в неделю, и еще цеплял всякие бляхи себе на грудь, бросал вызов всему свету.

— И более того, — говорит Д.Д., — почтовая открытка — это признак распространения. В создавшем прецедент деле "Садгроув против Хоула" суд счел это достаточным свидетельством злого умысла. По моему мнению, иск может быть предъявлен.

— С вас три с полтиной. Кому понадобилось твое мнение? Дай нам спокойно додавить свои пол-литры. Бля, даже этого не дают, совсем обнаглели.

— Ну, доброго здоровья, Джек, — говорит Нэд.

— Доброго здоровья, Нэд, — говорит Д.Д.

— Вот он снова, — говорит Джо.

— Где? — говорит Альф.

И, бля, вот он снова прошествовал мимо дверей со своими книжищами в охапку и с женой рядом, и Корни Келлехер смотрит глазом-пуговицей, когда они проходят, и втолковывает ему что-то, как отец родной, пытается небось всучить подержанный гроб.

* "Жестоко по отношению к жене"... — Блум ухаживал когда-то за миссис Брин и теплые чувства меж ними еще не совсем остыли.

— Как закончилось это дело с канадской аферой? — спрашивает Джо.

— Заключен под стражу, — говорит Д.Д.

Один из утконосого братства это затеял, под именем Джеймс Уотт, он же Шапиро, он же Спарк и Спиро, подал объявление в газету, мол, за двадцать монет довезет до Канады. Как? Тяжести на макушке не ощущаете? Конечно, это была лапша. Что? Обвел их всех вокруг пальца, работяг и *бадахов* — деревенщину из графства Мит, ага, и собственную кровь и плоть не пожалел. Д.Д. рассказывал нам про этого древне-еврейского Зарецкого или еще какого-рецкого, плачет на свидетельской скамье, не снимая шляпы и клянется святым Моисеем, что тот нагрел его на два фунта.

— Кто заседал? — спросил Джо.

— Главный судья, — говорит Нэд.

— Бедняга сэр Фредерик,* — говорит Альф, — ничего не стоит заштукарить ему оба глаза.

— Душа широкая, как ворота, — говорит Нэд, — расскажи ему историю пожалостливее, за квартиру, мол, не плачено, жена больна, детишки мал мала меньше, и клянусь, он весь слезами изойдет прямо в судейском кресле.

— Ага, — говорит Альф. — Рубен Д. может считать себя счастливым, что сам не оказался на скамье подсудимых намедни, когда он подал на бедняжку Гамли, который шерошит булыги для городской управы у Баттова моста.

И он изображает старого главного судью, когда того слеза прошибает.

— Совершенно скандальная история! Бедный труженик! Сколько детей? Десять, говорите?

— Да, ваша честь. И у жены моей тиф!

— И у жены тифозная горячка! Скандал! Немедленно удалитесь из зала суда, сэр. Нет, сэр, я не дам приказа о взыскании. Как вы смеете, сэр, явиться предо мной и просить меня отдать приказ о взыскании! Бедный честный усердный труженик! В иске отказать.

* Сэр Фредерик Фалконер — ярый ненавистник евреев, автор антисемитских статей, в которых говорилось, что евреи грабят ирландцев, и о надобности в правовой защите для ирландских должников.

И вот на шестнадцатый день месяца волоокой богини и через три недели после празднества Святой Неделимой Троицы, когда дочь небес, девственница-луна была в первой четверти, свершилось так, что досточтимые и премудрые судьи явились в палаты закона. Здесь мастер Кортеней, сидя на особом заседании, вершил суд, и мастер судья Эндрюс, заседая без присяжных по делам о наследствах, взвешивал и разрешал притязания первого кредитора по ипотечному залoгу в связи с предъявленным на утверждение завещанием о распоряжении и наследовании *in Re* всюю собственностью, движимой и недвижимой, оставленной почившим Джейкобом Халлидэем, покойным, против Ливингстона, несовершеннолетнего и недееспособного и прочих лиц. И вот на сей блистательный суд на Зеленой улице явился сэр Фредрик. из рода Сокольничих Фалконеров. И там он сидел около пяти часов и исполнял право брегонов для всех и вся в графстве и граде Дублине. И с ним восседал Верховный синедрион двенадцати колен Ияра, по человеку от каждого колена, от колена Патрика и от колена Хью, и от колена Оуэна, и от колена Конна, и от колена Оскара, и от колена Фергюса, и от колена Финна, и от колена Дермота, и от колена Кормака, и от колена Кевина, и от колена Каолта, и от колена Оссиана, — всего двенадцать достойных человек и честных. И он заклиал их Тем, кто умер на кресте, чтобы они добром и честью тщились верный суд судить и разрешить спор между их суверенным владыкой королем и узником на скамье и дали верный вердикт в соответствии со свидетельствами и доказательствами, предъявленными на суде, и да поможет им Господь и поцеловать книги. И они восстали со своих мест, эти двенадцать сынов Ияра и поклялись именем Того, кому вечное бытие, что исполнят Его правомудрие. И не медля, слуги закона привели из замка одного узника, задержанного ищейками юстиции вследствие полученной информации. И они заковали его по рукам и ногам в кандалы и не хотели взять ни пенни, ни выкупа за главу его, но предпочли предать его суду, ибо был он злоумышленником.

— Хороши дела, — говорит гражданин, — сползаются отовсюду в Ирландию, как тараканы.

Ну, Блум делает вид, что не слышит, и начинает говорить с Джо, говорит ему, что не стоит беспокоиться из-за того дела до первого, но, если он соберется, — пусть скажет об этом м-ру Крофорду. И Джо поклялся всем святым на свете, что его и черт не удержит, все, мол, сделает.

— Потому что понимаете, — говорит Блум, — реклама должна появляться регулярно, в этом весь секрет.

— Положитесь на меня, — говорит Джо.

— Объегоривают крестьян, — говорит гражданин, — и ирландскую бедноту. Мы не потерпим чужаков под нашим кровом.

— Я не сомневаюсь, что все будет в порядке, Хайнс, — говорит Блум.

Это только что Кейс, понимаете.

— Считайте это сделанным, — говорит Джо.

— Весьма благодарен, — говорит Блум.

— Чужаки, — говорит гражданин. — Наша собственная вина. Мы их допустили. Мы ввели их. Неверная жена и ее любовник привели сюда саксонских грабителей.

— Условно-окончательное решение судьи, — говорит Д.Д.

И Блум делает вид, что глубоко увлечен ничевошками, паутиной за бочкой, и гражданин рыскает за ним, и псина у его ног посматривает, чтобы знать, кого цапать и когда.

— Обещанная жена, — говорит гражданин, — вот причина всех наших несчастий.

— А вот и она, — говорит Альф, — похихикивая над Полицейской Газетой вместе с Терри за стойкой, в полной боевой раскраске.

— Дай и нам зыркнуть, — говорю.

И что это было, только похабная американская картинка, из тех, что Терри одалживает у Корни Каллахера. Как увеличить ваш половой член. Проказы светской красотки. Норман В.Таппер, состоятельный чикагский подрядчик, обнаружил свою хорошенькую, но бесчестную жену в объятиях офицера Тэйлора. Красотка в дезабилье проказничает, и ее амант проверяет, не боится ли она щекотки, и Норман В.Таппер врывается со своей хлопущкой как раз слишком поздно, когда она набрасывает кольца с офицером Тэйлором.

— О джем, Дженни, — говорит Джо, — какая у тебя короткая сорочка!

— А вот и волосики, Джо, — говорю. — Что, зашевелился хвост в неожиданном месте от этой?

Ну, тут входит Джон Уайз Нолан и Ленехан с ним, морда вытянулась, как затянувшийся завтрак.

— Что ж, — говорит гражданин, — сообщите последние новости с театра военных действий. Что эти жестянщики из муниципалитета решили насчет ирландского языка?

О'Нолан, закован в сияющую броню, преклонил колено перед преславым, могутным и великим вождем всея Эрина и поведал ему о делах минувших, о том, как умудренные старцы наипреданнейшего града, уступающего лишь стольному, собрались в высокой гриднице и там, вознесши моление богам, живущим во вселенском эфире, держали чинный совет, не вольно ли им, коль такова воля небес, возвратить почет смертных крылатой речи разделенного морем Гэла.

— Его шествие началось, — говорит гражданин. — К черту проклятых саксонских кровососов и их *patois*.

Ну, тут Д.Д. влазит в разговор, лепит арапа, один рассказ чище другого, и политика Нельсона: кривым глазом к подзорной трубе, и осудить без суда целый народ, и Блюм старается поддержать его умеренность и примеренность и их колонии и их цивилизация.

— Их сифилизация, вы имеете в виду, — говорит гражданин. — К черту их всех! Проклятие никудышного Бога в бок и в гриву блядским толстогузным шлюхиным детям! Нет у них ни музыки, ни искусства, ни литературы, достойных этого названия. И цивилизацию свою они украли у нас. Косноязыкие приبلудыши выблядских призраков.

— Семья европейских народов, — говорит Д.Д.

— Они не европейцы, — говорит гражданин. — Я был в Европе с Кевином Еганом из Парижа. Во всей Европе нигде не найдете и следа их или их языка, разве что в *cabinet d'aisanse*.

И говорит Джон Уайз:

— Многим цветам цвести в удаленьи.

И говорит Линихан, а он знает чуток линго:

— *Conspuez les Anglais! Perfide Albion!*

Рек он и высоко взмыла в его грубых огромных могучих богатырских лапах чаша темного крепкого пенного эля, и, бросив свой племенной клич *Лау дераг Абу*, * он выпил за погибель своих недругов, расы мощных всепокоряющих воителей, правящих волнами, сидящих на алебастровых тронах,** молчаливых, как вечно живые боги.

— Что стряслось с тобой, — говорю Ленехану. — Как будто и нашел полтинник, потерял целковый.

— Золотой кубок, — говорит он.

— Кто победил, м-р Ленехан? — говорит Терри.

— *Выбрось*, — говорит он, — двадцать к одному. Абсолютный аутсайдер.

А прочих судьба погубила.

— А Бассова кобыла? — говорит Терри.

— Все еще бежит, — говорит он. — И мы все в коляске. Бойлан просадил два фунта по моему совету на Бунчуге, за себя и за подругу.

— Я и сам поставил полкроны, — говорит Терри, — на Зинфанделя, по совету м-ра Флинна. Лорда Ховарда де Уолдена.

— Двадцать к одному, — говорит Ленехан. — Такова жизнь ипподрома. *Выбрось*, — говорит он, — взял Золотой кубок, как сухарик. Иди после этого, толкуй о ежовых копытах. Не постоянство, имя тебе Бунчук.

Ну, берет он жестянку с сухарями, которую оставил Боб Доран, смотрит — что бы навернуть, а старые барбос за ним, ищет счастья плешью кверху. Ваша мама пришла, молочка принесла.

— Ничего нет, дитя мое, — говорит он.

— Не вешай клюв, — говорит Джо. — На бегах только псам удача.

И Д.Д. и гражданин спорят о законе и истории, и Блум время от времени вставляет словечко.

— Некоторые, — говорит Блум, — видят соломинку в чужом глазу, а в своем не замечают и бревна.

* *Лау дераг Абу* — вперед, Красная Рука (ирланд.). "Красная рука" была символом Ольстера и пива "Олсон", которое и пил наш герой.

** "Алебастровые троны"... — унитазы.

— *Ромиш*,* — говорит гражданин. — Нет слепца хуже нежелающего видеть, если вы понимаете, что это значит. Где наши сгинувшие двадцать миллионов ирландцев, которые должны быть здесь вместо четырех, где наши затерянные колена? И наши ткани, и керамика, лучшие в мире? И наша шерсть, что шла в Рим во дни Ювенала, и наши лен и парча со станов Антрима, и кружева Лимерика, наши дубильни и хрусталеделы из Баллибоу, и сатин наших гугенотов, который привился у нас с времен Жаккара де Лиона, и наш тканый шелк, и наш фоксфордский твид, и резьба по кости из монастыря кармелиток в Нью-Россе, нет ей равных во всем мире! Где греческие купцы, плывущие за Геркулесовы столпы, за Гибралтар, захваченный теперь исчадьем человечества, с золотом и пурпуром Тира на продажу в Вексфорде, на торгу Кармен? Откройте Тацита и Птоломея, да хотя бы Геральдуса Камбрениса. Вино, мрамор Коннемары, серебро Типперери, наши всеславные кони, плоды наших морей, за право рыбной ловли в наших водах Филипп Испанский предлагал нам свою пошлину. Чем расплатятся с нами англосаксонские желтоджоны за нашу загубленную торговлю и за загубленные сердца наши? Они не углубят русла Шаннона и Барроу, когда вокруг миллионы акров болот и трясин, чтоб все мы перемерли от чахотки.

— Скоро мы будем безлесыми, как Португалия, — говорит Джон Уайз, — или остров Гельголанд с его единственным деревом, если ничего не будет сделано для облесения страны. Лиственницы, ели, все хвойные быстро исчезают. Я прочел отчет комиссии лорда Каслтауна...

— Спаси их, — говорит гражданин, — ясень-великан Галуэя и вяз-владыка Килдара с его сорокафутовым стволом и кроной с десятину. Спаси деревья Ирландии для грядущих поколений ирландцев на зеленых холмах. Эйре, о!

— На вас устремлены взоры всей Европы, — говорит Ленехан. — Самые блестящие и модные круги со всего света собрались en masse после полудня на торжество венчания шевалье Жана Уайза де Нолана, великого главного егеря Ирландских Национальных Лесоводов, с его избранницей мисс Елли Хвой

* Ромиш — бред (ирланд.)

из Сосновой долины. Леди Сильвестра Вяз, м-с Барбара Берез, м-с Полли Ясень, м-с Холли Каштан, м-с Лавролист, м-с Дороти Сорго, м-с Клайд Аир, м-с Роуэн Трав, м-с Эллен Лоз, м-с Виргиния Вьюнок, мисс Глэдис Бук, мисс Олива Сад, мисс Бланш Клен, м-с Мод Граб, мисс Мира Мирт, мисс Присцилла Липа, мисс Каприфоль Жимолость, мисс Грэйс Тополь, мисс О.Мимоза-сан, мисс Рэйчел Кедр, сестры Лилиан и Филка Сирень, м-с Китти Гиацинт, м-с Арабелла Самшит, м-с Глория Пальм, м-с Лиана Лес, м-с Роса Утра, м-с Норма Святодуб из поместья Дубовая Роща украсили церемонию своим присутствием. Невеста, которую вручил счастливому жениху ее отец, глава рода Мак-Хвоев, очаровательно выглядела в изысканном наряде, из зеленого месмеризованного шелка, облегающем пепельно-серый чехол, схваченном широкой изумрудной кокеткой и с тройной оторочкой из бахромы темного отлива. Элегантные бретели и вставки желудевой бронзы на бедрах оживляли эту модель. Подружки, мисс Сосна Хвой и мисс Пихта Хвой, сестры невесты, убрались в хорошенькие платьица того же тона, причем элегантный сутаж с плетеным узором — плюмаж де роз — был заделан в рябенькое плиссе и причудливо повторялся на султанах нефрито-зеленых тонов, сооруженных из бледно-коралловых перьев цапли. Сеньор Энрике Флор восседал со своим известным всему свету мастерством за органом, и в дополнение к требуемым для свершения матримониального обряда номерами исполнил песню *В лесу родилась елочка* в новой и необычной аранжировке в заключение торжественной службы. Выходя из церкви св.Фиакра-в-садах после святейшего благословения, счастливая чета попала под дружеский огонь. Молодоженов засыпали каштанами, буковыми орешками, лавровым листом, ивовыми сережками, девичьим виноградом, ягодами хмеля, земляникой веточками омелы и цветами рябины. М-р и м-с Уайз Хвой де Колан проведут медовый месяц в уединении в Черном лесу.

— И мы устремляем взоры на Европу, — говорит гражданин. — Мы вели торг с Испанией и с Французом, и с фламандцами, когда эти ублюдки еще не выщенились, испанская лоза — в Галуэй, бригантина с вином на волне виноцветных морей.

— И будем вновь, — говорит Джо.

— Да, и с помощью пресвятой Богородицы мы будем вновь, — говорит гражданин, хлопая себя по ляжке. — Наши опустелые гавани вновь наполнятся, Куинстаун, Кинсэйл, Галуэй, Блэкрод Бэй, Вентри в королевстве Керри, Килбегс, третья гавань в мире, с флотилией парусов — Линчи Галуэя, О'Рэйли из Кавана, О'Кеннеди из Дублина — когда эрл Десмонд заключал договор с самим императором Карлом Пятым. И мы вновь увидим, — говорит он, — как первый ирландский военный корабль разрезает волны с нашим собственным флагом на мачте, а не с несчастными арфами Тюдоров, нет, с древнейшим морским флагом, флагом провинции Десмонд и Томонд, три короны на голубом поле — трех сынов Милезия.

И он добавил свою пол-литру, Мойя. Все моча и пер, как у кота в дубильне. У коров в Коннауте длинные рога, а лошади кушают овес. Поезжай, задавай свои словеса перед многолюдным собранием в Шанаголдене, там небось не смеет носу показать, Молли Магайресы* подкарауливают его когтями порвать и насквозь на солнышко глянуть за то, что заграбастал хутор согнанного арендатора.

— Слушайте, слушайте, — говорит Джон Уайз. — Что будем пить?

— Имперскую солдатню, — говорит Ленехан, — чтобы отметить.

— Половинку, Терри, — говорит Джон Уайз, — и одну рукикверху. Терри! Уснул?

— Есть, сэр, — говорит Терри. — Маленькое виски и бутылку Алсопа. Слушаюсь, сэр.

Торчит с этой блядской газетенкой вместе с Альфом, ищет клубничку, вместо того чтобы обслуживать посетителей. Фото состязания по боданию стараются друг дружке башку расколошматить, вот один тип таранит другого, бежит головой вперед, как бык на ворота. А вот другая: *Черная bestия на костре в Омахе, штат Джорджия*. Толпа южных олухов в вислополых шляпах палят в самбо, вздернутого на дереве, язык наружу, и под ним костер. Бля, им надо бы потом

* Молли Магайресы — отряды ирландских патриотов.

утопить его в море, посадить на электрический стул и распять напоследок, чтоб сомнений не осталось.

— Ну а как же наш славный военно-морской флот, — говорит Нэд, — который отражает неприятеля?

— Я вам скажу, что это, — говорит гражданин. — Это ад крошечный на земле. Прочтите разоблачения в газете о порке на учебных кораблях в Портсмуте. Подписано *Возмущенный*.

И он начинает рассказывать нам про телесные наказания, как стоит вся команда, прославленные моряки и офицеры, и вице-адмиралы в треуголках, и пастор со своей протестантской Библией в руках свидетелем наказания, и приводят юного паренька, зовет маму, и растягивают его на лафете.

— Дюжину к окороку,* — говорит гражданин, — так называл это старый головорез сэр Джон Берсфорд, но современный богобоязненный англичанин говорит: порка по тыловой части.

И говорит Джон Уайз:

— И по чести, постылый обычай.

Затем он начинает описывать, как приходит профос с длинным шомполом и размахивается и лупцует спину ко всем матерям у бедняги, пока тот не заорет, мол, убивают.

— Вот вам ваш славный британский военно-морской флот, — говорит гражданин, — который верховодит на свете. Они никогда не будут рабами, нет, с единственной на всем Божьем свете наследственной законодательной палатой и вся земля в руках десятка прожорливых боровов и хлопковых баронов. Вот она, великая империя, которой они хвалятся, каторжный труд и бичевание крепостных.

— Над которой никогда не восходит солнце, — говорит Джо.

— И вся трагедия в том, — говорит гражданин, — что они в это верят. Несчастные йеху верят в это. Они веруют в бич, всемогущий кнут-лупцеватель, вершитель ада на земли, и в Джеки Смоленую душу, пушкина сына, который был зачат от нечистого слуха, порожден боевой миноносцей, страдал и

* "Дюжину к окороку"... — старинный ирландский обычай: победитель в споре получает дюжину кларета и окорок. Никакой связи с телесными наказаниями на флоте нет.

претерпел дюжину к окороку, был высечен, взмылен и изрубцован, вопил, как в аду, на третий день восстал с койки, был взят живым на мостик, сидит там на своем киле, ожидая приказов, пока не наступит его время тянуть лямку и отрабатывать паек.

— Но, — говорит Блюм, — разве дисциплина не та же повсюду? Я имею в виду, не будет ли и здесь то же самое, если вы встретите силу силой?

Ну не говорил ли я вам? Чтоб мне больше не пить пива, он и при последнем издыхании постарается доказать вам, что смерть это жизнь.

— Мы ответим силой на силу, — говорит гражданин. — За морем лежит наша великая Ирландия. Они были изгнаны из дому, лишились крова и очага в черном 47-м. Их придорожные мазанки и лачуги были снесены тараном, и "Таймс" потирал руки и предсказывал малодушным и саксонцам, что вскоре ирландцев в Ирландии будет меньше, чем краснокожих в Америке. Даже Великий Турок послал нам свои пиастры. Но саксонец пытался выморить наш народ голодом, хоть земля щедро рожала в тот год и британские гиены скупили урожай и продали в Рио де Жанейро. Да, они согнали наших крестьян с земли. Двадцать тысяч умерло в пловучих гробах. Но те, кто добрался до края свободы, не забыли страну рабства. И они вернутся вновь, и с возмездием, и не будет робкосердечных меж сынами Грануайля, меж защитниками Катлин ни Хулихан.

— Совершенно верно, — говорит Блюм. — Но я имел в виду...

— Давненько мы уже ждем этого дня, гражданин, — говорит Нэд. — С тех пор как старушка сказала нам, что французы подходят и высадились у Киллалы.

— Да, — говорит Джон Уайз. — Мы сражались за коронованных Стюартов, но те выдали нас головой сторонникам Вильгельма. Помните Лимерик и раздробленный камень договора. Мы пролили свою кровь за Францию и Испанию, выходцы из Ирландии. Фонтеной, а? А Сарсфилд и О'Доннелл, герцог Тетуанский в Испании, и Улисс Браун из Камю, который был фельдмаршалом у Марии Терезии. Но что мы получили за все это?

— Французы! — говорит гражданин. — Лишь танцевать мастера. Знаете что? С них Ирландии проку, как с жареного пера. Да и сейчас они пытаются устроить *Entente Cordiale* на приеме у Т.П. с коварным Альбионом. Подстрекатели Европы, вот кто они.

— *Conspir les Frabcas*, — говорит Ленехан, отхлебывая пива.

— А пруссаки и ганноверцы, — говорит Джо, — неужто недостаточно нам было всех этих колбасников, выроdkов на троне, начиная с Георга Избранного и до этого немецкого паренька и плоскостопой старой суки, что наконец-то сдохла?

Иисусе, меня просто смех разобрал, когда он дошел до этого, насчет старухи с шорами на глазах, напивалась в дым в своем королевском дворце каждую Божью ночь, старая Вик, с ее флаконом горной росы, и ее кучер несет ее в постель, как охапку костей, а она тягает его за баки и поет всякие куплеты насчет *Ehren na Рейне* и пошли туда, где выпивка дешевле.

— Что ж, — говорит Д.Д., — сейчас нас Эдуард Миротворец.

— Расскажи это дуракам, — говорит гражданин. — Этот паренек и впрямь интересуется одним словом из трех букв, только это не мир. Эдуард Гвельф Веттин!

— А что вы скажете, — говорит Джо, — насчет этих святых мужичков, попов и епископов Ирландии, отделявают комнату для него в Майноте в цвета Его Сатанинского Величества, как ливрею на скачках, и вешают картинки всех коней, на которых пилили его жокеи. Сам эрл Дублинский, не больше, не меньше.

— Им следовало бы развесить всех баб, которых он сам пилил, — говорит малыш Альф.

И говорит Д.Д.:

— Соображения места повлияли на выбор, сделанный их светлостями.

— Отведайте еще одну, гражданин? — говорит Джо.

— Да, сэр, — говорит он, — отведаю.

— Ты? — говорит Джо.

— Премного обязан, Джо, — говорю. — Да не убавится твоя тень.

— Повтори дозу, — говорит Джо.

Блюм толковал и толковал с Джон Уайзом и порядком завелся, с этой своей землемордой чушкой, а по ней сливоглазы его так и катаются.

— Преследования, — говорит он, — вся мировая история полна преследований. Увековечивают рознь между нациями.

— Но знаете ли вы, что такое нация? — говорит Джон Уайз.
— Что же это? — говорит Джон Уайз.

— Нация? — говорит Блюм. — Нация это одни и те же люди на одном и том же месте.

— Ну, Господи, значит, — говорит Нэд, — и я — нация, потому что я живу на одном и том же месте уже пять лет.

Ну, тут само собой все посмеялись над Блюмом, и говорит он, стараясь выкарабкаться:

— Или также живущие в разных местах.

— Это относится к моему случаю, — говорит Джо.

— А позвольте спросить, какая ваша нация? — говорит гражданин.

— Ирландия, — говорит Блюм. — Я здесь родился. Ирландия.

Ничего не сказал гражданин, только прочистил плевков из глотки и, бля, выхаркнул из себя плевков с добрую устрицу прямо в угол.

— Вслед за вами, Джо, — говорит он, вынимает свой платок и обтирается.

— Вот, гражданин, — говорит Джо. — Возьмите в правую руку и повторяйте за мной.

Тщательно оберегаемое и передаваемое из рода в род сокровище, роскошно расшитый плат старинной ирландской работы, изготовление которого традиция связывает с именами Соломона из Дромы и Мануса Томалтаха или Мак-Доноу, авторов Книги Баллимота, было затем извлечено на свет. Нет необходимости задерживаться на легендарной красе уголков, подлинной вершине искусства, на которых можно ясно различить всех четырех евангелистов, преподносящих каждый одному из четырех мастеров свой евангелический символ: скипетр мореного дерева, североамериканскую пуму (куда более благородное животное, к слову говоря, нежели ее британский соро-

дич), теленка Керри и золотого орла из Каррантуохилла. Сцены, изображенные на белоснежном полотне, показавшие наши старинные дуны и раты и кромлехи и грианауны, замки, башни и циклопические сооружения, места учености и камни проклятия и заклинания, столь прекрасно и живо схвачены, и их краски столь нежны, что невольно хочется сравнить их с теми, в которых богомазы Слиго дали волю полету своей бурной фантазии в давние-давние времена, в дни Бармесида. Гленделох, чудесные озера Килларни, руины Клонмакнойса, Конгслое аббатство, Глен Ина и Двенадцать сосен, Око Ирландии, Зеленые Холмы Талла, Кроук Патрик, пивоваренная фабрика Артур Гиннес, сын и К^о, акц.о-во, берега Лох Нея, долина Овока, башня Изольды, обелиск Мапаса, больница имени сэра Патрика Дана, мыс Клир, Глен Ахерло, замок Линча, Шотландский Дом, Дом Профсоюзов в Лофлинстоуне, Тулламорская тюрьма, Каслконнелские пороги, Килбаллимакшонакилл, распятие в Монастербойсе, отель "Жюри", Чистилище св.Патрика, Прыжок Лосося, столовая Мэйнутского колледжа, дыра Курли, болото Аллена, три места рождения первого герцога Веллингтона, скала Кашелла, склады на Генри стрит, Пещера Фингала — все эти трогательные сцены любовно сохранены для нас и украшены связанными с ними грустью и тоской о былом, которая, как ничто, расцветчивает прошлое.

— Передавай стаканы, — говорю. — Чей, чей будет?

— Это мой, — говорит Джо, — как сказал черт мертвому полицейскому.

— А какой я расы, — говорит Блюм, — я — ненавидимой и преследуемой расы. И сейчас. В этот самый момент.

Бля, он чуть не обжегся своим окурком.

— Грабят, — говорит он. — Обирают. Оскорбляют. Преследуют. Отбирают наше кровное. Прямо сейчас, — говорит он, подымая кулак, — продают с торгов в Марокко, как рабов, как скотов.

— Это вы о чем, о новом Иерусалиме? — говорит гражданин.

— Я говорю о несправедливости, — говорит Блюм.

— Верно, — говорит Джон Уайз. — Тогда ответьте на силу силой, как мужчины.

Вот вам картинка для хрестоматии. Мишень для разрывной

пули. Лощеное личико не робеет перед деловым концом ружья. Бля, ему пристала бы метелка, точно пристала бы, только передничек нацепить. И тут он весь оседает внезапно, перекручивается поперек себя, обмяк, как половая тряпка.

— Но это ни к чему не ведет, — говорит он. — Сила, ненависть, история, все это. Это не жизнь для мужчин и женщин, с оскорблениями и ненавистью. И всякому понятно, что настоящая жизнь — это совсем наоборот.

— А что? — говорит Альф.

— Любовь, — говорит Блюм. — В смысле чувство обратное ненависти. Сейчас мне нужно идти, — говорит он Джону Уайзу. — Лишь забегу в суд на секунду, гляну, нет ли там Мартина. Если он придет, скажите, что я тотчас вернусь. Тотчас вернусь.

Кто тебя держит? И он выскакивает, как хорошо смазанная молния.

— Новый апостол к язычникам, — говорит гражданин. — Всеобщая любовь.

— Что ж, — говорит Джон Уайз, — не этому ли и нас учили? Люби ближних.

— Этот тип? — говорит гражданин. — Обьеби своих ближних его девиз.

Любовь, Мойя! Хорошенький образец Ромео и Джульетты.

Любовь любит любить любовь. Сестра любит нового аптекаря. Констебль 14А любит Мэри Келли. Герти Мак-Доуэлл любит паренька с велосипедом. М.В. любит шатена. Ли Чи Хан любви любви мили Ча Пу Чау. Джамбо, слон, любит Алису, слоницу. Старый м-р Вершойль со слуховым рожком любит старую м-с Вершойль со вставным глазом. Человек в коричневом макинтоше любит даму, которая умерла. Его Величество Король любит Ее Величество Королеву. М-с Норман В.Таппер любит офицера Тэйлора. Вы любите некую особу. И эта особа любит некую особу, потому что все кого-нибудь любят, но Бог любит всех.

— Ну, Джо, — говорю, — здоровья тебе и звонких песенок. Бог в помощь, гражданин.

— Ура, давай, валяй, — говорит Джо.

— Да пребудут с вами Господь и дева Мария и св.Патрик, — говорит гражданин.

И он опрокидывает свою кружку, чтоб *смочить дуду*.

— Знаем мы этих аллилуйщиков, — говорит он, — читают проповеди и обируют карманы. Что насчет святотатца Кромвеля и его железнобоких, которые предали женщин и детей Дрогеды мечу с библейским текстом *Господь есть любовь* вокруг жерла его пушки? Библия! Читали сегодня в *Объединенном Ирландце* "уголок сатиры и юмора" про зулусского вождя, посетившего Англию?

— Это что еще? — говорит Джо.

Ну, гражданин берет одну из своих парафернальных газет и начинает читать вслух:

— Делегация хлопковых королей Манчестера была представлена вчера Его Величеству Алаки, владельцу Абеакуты, камер-юнкером, носителем Золотого жезла, лордом Яйцеходом, и выразила Его Величеству сердечные чувства признательности, которые испытывают британские купцы за предоставленные им в его владениях возможности. Делегация приняла участие в трапезе, в заключение которой темнокожий владыка произнес экспромтом речь, свободно переведенную британским капелланом преподобным Ананиасом Богуславом Кожекости, в которой он от души поблагодарил массу Яйцехода и напомнил о тех сердечных отношениях, которые сложились между Абеакутой и Британской Империей, подчеркнув, что он дорожит как зеницей ока своей Библией с картинками, нерукотворным словом Господним, этим залогом британского могущества, которая была милостиво дарована ему белым вождем в юбке, великой скво Викторией, с персональным посвящением, августейшей дланью монаршего дарителя на таковой. Затем Алаки выпил первосортного усквебо под тост *За черное и белое* из черепа своего прямого предшественника по династии Какачакачак, по прозвищу Сорок Угрей, вслед за чем он посетил знатную фабрику Хлопкополиса, где приложил свою руку к книге посетителей, а потом исполнил старинную абеакутскую военную пляску, в ходе которой он проглотил несколько ножей и вилок под бешеные овации фабричных работниц.

— Ничего вдова, — говорит Нэд. — Я бы в ней не усомнился. Интересно, пустил ли он эту Библию в ход так, как я бы это сделал.

— Так и перетак, — говорит Ленехан. — И впредь в сей многоплодной земле пышно расцвел широколистный манго.

— Это Гриффитса? — говорит Джон Уайз.

— Нет, — говорит гражданин. — Это подписано не Шенгана, а просто инициалом "П".

— Прекрасный инициал, — говорит Джо.

— Вот как это получается, — говорит гражданин. — Купец идет за солдатом.

— Ну, — говорит Д.Д., — если они еще хуже, чем эти бельгийцы в Свободном Государстве Конго, то они действительно должны быть плохи. Читали отчет этого, как его?

— Кэйзмента, — говорит гражданин. — Ирландец.

— Вот-вот, — говорит Д.Д. — Насилуют женщин и девок и бичуют туземцев по животу, чтоб выжать из них красный каучук до последней капли.

— Я знаю, куда он побежал, — говорит Ленеган, щелкая пальцами.

— Кто? — говорю я.

— Блюм, — говорит он. — Суд для отмазки сказал. Он поставил несколько монет на *Выброса** и сейчас пошел за своими сиклями.

— Этот белоглазый кафир? — говорит гражданин, — который в жизни сгоряча не поставил на лошадь?

— Вот куда он пошел, — говорит Ленеган. — Я встретил Бантама Лайонса, он собирался поставить на этого коня, только я отговорил его, и он сказал мне, что Блюм посоветовал ему. Готов побиться о что угодно, он загреб сто монет за свои пять. Только он во всем Дублине и ухватил. Темная лошадка.

— Он и сам лошадка темнее некуда, — говорит Джо.

— Прости, Джо, — говорю я. — Где тут выход.

— Вот сюда, — говорит Терри.

Прощай Ирландия, пошел на кудыкину гору. Ну, завернул

* "Блюм поставил на *Выброса*"... — Блюм, как правило, не играл на скачках, но все циклопы уверены, что он выиграл массу денег и скрывает это, чтобы никого не угостить. В этот раз Блюм действительно хотел поставить на *Выброса*, что советовал ему один из героев. Но другой персонаж советует Блюму поставить на *Бунчука*, он его слушается и проигрывает. Однако в памяти героев остается то, что Блюм ставил на *Выброса*, а значит, и выиграл.

я на задворки к водокачке и, бля (сто монет к пяти), пока я отливал (*Выбрось двадцать к одному*), отливал я, бля, говорю я себе, я заметил, что он (два пол-литра поставил Джо и у Слаттери пол-литру поставил), что он неспокоен удрать хотел (сто монет это пять золотых) и, когда они жили в (темная лошадка), говорил мне Писсатель Бурк, в карты резались и плетет ребенок заболел (бля, добрых литра три отошло) жена его жирножопая травит *ей лучше* или *ей* (ох!) все продумано, чтобы отхилать с сорванным кушем или (Иисусе, ну и заправился я) торговля без патента (ох!), Ирландия, говорит, моя нация (хррк! фчхук!) никогда этим блядским (вот и последняя капля) Иерусалим (ах!)*рогачи.

Ну вот, когда я вернулся, они развели колокольный звон об этом, Джон Уайз говорит, что это Блюм подал мысль Гриффитсу** для Шин Фейна писать в его газете всякую баланду про суд подкупленных присяжных и что с налогами обманывают государство, и назначить консулов по всему свету, чтоб ходили и сбывали ирландские товары. Грабит Петра, чтоб заплатить Павлу. Это они перегнули палку, если старый моргун заправляет балаганом. Дайте нам самим чего. Господи, спаси Ирландию от этих блядских вынюхал. М-р Блюм с его мумбо-джумбо. Слова развесил! И старикан егоный до него мошенничал обманным путем, старый Мафусалим Блюм, коробейник-обдирала, отравил себя цианистой кислотой, после того как завалил всю страну своими погремушками и грошовыми бриллиантами. Займы по почте на доступных условиях. Любая сумма под простую расписку. Расстояние не помеха. Обеспечение и залог не требуются. Бля, он прям, как козел Ланти Мак-Хэйла, который с любым пойдет за компанию.

— Да, так оно и есть, — говорит Уайз. — А вот и человек, который может рассказать об этом, Мартин Каннингэм.

И точно, подъезжает коляска из Замка с Мартином, и с ним Джек Пауэр и еще один мужичок, по имени Крофтер или

* "Ох, ах"... — всех современников возмутила сцена с гонорейным мочеиспусканием.

** "Блюм подал мысль Гриффитсу"... — циклопов возмущает, когда еврей помогает их делу.

Крофтон, на пенсии у правительства от фискального управления, оранжист в списках Блэкбурна, и он получает командировочные, или Кроуфорд, гарцует по всей стране за счет короля.

Наши путники достигли деревенской корчмы и спрыгнули со своих скакунов.

— Эй, шельма! — воскликнул тот, кто по замашкам казался вожаком группы. — Гнусный смерд! Сюда!

И с этими словами он загрохотал рукоятью меча по укосине. Наш хозяин вышел на вельможный зов, опоясываясь кушаком.

— Милости просим, добро пожаловать, любезные гости, — сказал он с подобострастным поклоном.

— Возьмись за дело, бестия! — закричал стучавший в ворота. — Позаботься о наших скакунах, а нам подай всего наилучшего, потому что, клянусь верой, мы в этом нуждаемся.

— Худоба наша, — сказал хозяин, — в моей бедной лачуге лишь пустые сусеки. Не знаю, что и предложить вашим сиятельствам.

— Чтоб тебе пусто было! — вскричал второй спутник, персона приятного обличия, — так это ты принимаешь королевских посланцев, мастер Таптун?

Молниеносная перемена отразилась на лице корчемника.

— Помилуйте, не судите, батюшки, — сказал он смиренно. — Раз вы королевские посланцы (Охрани Господь Его Величество!), ни в чем у вас нехватки не будет. Другьям короля (Благослови Господи Его Величество!) у меня в доме поститься не придется.

— Тогда разворачивайся! — вскричал третий, молчавший до сих пор, но натура его выдавала (плотоядного едока). — Что подашь-то?

Мой хозяин вновь поклонился, отвечая на сии слова:

— Позвольте предложить вам, отцы родные, тертых голубей, жареной оленины, телячье седло, гуся с подрумянившимися ломтиками ветчины, голову вепря с фисташками, чашу отменного железа, киселя из трав и сливок и флягу доброго старого рейнского?

— Тартарары! — воскликнул последний. — Это мне по вкусу. Фисташки!

— Ага! — вскричал всадник приятного обличия. — Худая лачуга и пустые сусеки, мол! Отменный прохиндей!

Ну, тут входит Мартин и спрашивает, где Блюм.

— Где же ему быть? — говорит Ленехан. Обжуливает вдов и сирот.

— Я тут рассказывал гражданину, — говорит Д.Д., — про Блюма и Шин Фейн. Это правда?

— Правда, — говорит Мартин. — Или так считают.

— Кто считает? — говорит Альф.

— Я, — говорит Джо. — Это я счетчик.

— В конце концов, — говорит Джон Уайз, — почему бы еврею и не любить свою страну, как любому другому.

— Почему бы и нет? — говорит Д.Д. — Если он знает, какая из них своя.

— Кто он, ко всем чертям, еврей или язычник, или римский католик или лютеранин треклятый? — говорит Нэд. — Или кто он? Прости, Крофтон.

— Нам его не надо, — говорит Крофтер — оранжист или пресвитерианец.

— Что это за Юний? — говорит Д.Д.

— Он извращенный еврей, — говорит Мартин, — откуда-то из Венгрии, и так получилось, что он все спланировал по венгерской системе. Мы в Замке это знаем.

— Он сродни Блюму-дантисту? — говорит Джек Пауэр.

— Ничего подобного, — говорит Мартин. — Просто однофамильцы. Его звали раньше Вираг. Так отца звали, который отравился. Он сменил имя через нотариуса, его отец-то.

— Вот и новый Мессия для Ирландии! — говорит гражданин. — Остров святых и вещей!

— Что ж, они все еще ждут своего спасителя, — говорит Мартин. — Да и мы тоже, к слову.

— Да, — говорит Д.Д. — И как родится мальчик, они всякий раз думают, может, это Мессия. И каждый еврей прямо на стенки лезет, пока не узнает, отец ли он или мать.

— Все ожидает, что сейчас наступит его следующий миг, — говорит Ленехан.

*Юний — псевдоним английского публициста восемнадцатого века, подлинное имя которого осталось загадкой для читателей.

— О Господи! — говорит Нэд. — Жаль, что вы не видели Блюма перед тем, как его сын, который умер, родился. Я встретил его однажды на Южном рынке, запасался банкой детского питания за шесть недель до родов.

— En ventre sa mère, — говорит Д.Д.

— Разве это мужик? — говорит гражданин.

— Сомневаюсь, засадил ли он хоть разок втихаря, — говорит Джо.

— Как бы то ни было, двое детей родились у них, — говорит Джек Пауэр.

— И кого он подозревает? — говорит гражданин.

Бля, шутка — шуткой, но есть и доля правды. И впрямь середка на половинку, ни баба, ни мужик. Лежит себе в номере, рассказывал мне Писсатель, раз в месяц с мигренью, как сучка с месячными. Знаете, что я вам скажу? Божеское дело сделал бы тот, кто взял бы такого типа и бросил ко всем чертям в море. Допустимое лишение жизни это было б. Отхилил с пятью фунтами, не поставив и пол-литры. Как мужик. Благословите нас. Нет, нам глаз не заштукаришь.

— Милость к ближнему, — говорит Мартин. — Но где же он? Нам некогда.

— Волк в овечьей шкуре, — говорит гражданин. — Вот кто он. Вираг из Венгрии! Агасфер, я бы назвал его. Проклятый Богом.

— Разок приложиться у вас время есть, Мартин? — говорит Нэд.

— Только разок, — говорит Мартин. — Нам нужно спешить. Д.Д. и С.

— А вы, Джек? Крофтон? Три половинки, Терри.

— Святому Патрику снова нужно будет высадиться у Балликинлара и обратить нас, после того как такие твари загрязнили наши берега, — говорит гражданин.

— Что ж, — говорит Мартин, — хватая свой стакан. — Господи, благослови всех нас.

— Аминь, — говорит гражданин.

— И Он воистину благословит, — говорит Джо.

И под звуки освященного колокола, с распятием во главе, литаврами и хоругвями, с чтецами и гребцами, остиариями,

деканами и субдеканами, благословенное собрание это приблизилось с приорами и аббатами в митрах и монахами, и братьями орденов и монастырей. Были там монахи ордена Бенедикта из Сполетто, картузианцы и камальдолесцы, цистерцианцы и оливетанцы, ораторианцы и валломброзианцы, и братья-августинцы, монахи св. Бригитты, премонстратезианцы, серви, тринитарианцы, дети Петра Ноласко, а с ними от горы Кармель отроки Илии пророка, ведомые епископом Альбертом и Терезой Авильской, и серые, и коричневые братья, принявшие обет бедности францисканцы, капучины, кордельеры, минимы и послушники, и сестры ордена св. Клары, и братья ордена св. Доминика, монахи-проповедники, и сыны Винсента, и монахи св. Вольстана, и члены ордена св. Игнатия, и община наихристианнейших братьев, ведомых преподобным братом Эдмундом Игнатиусом Рисом, а вслед за ними явились все святые и великомученики, девы и исповедники: св. Кир и св. Исидор Аратор, и св. Иаков Малый, и св. Фока Синопский, и св. Юлиан Странноприимец, и св. Феликс де Канталис, и св. Симеон Столпник, и св. Стефан Великомученик, и св. Иоанн Богоугодник, и св. Ферреол, и св. Легард, и св. Теодотус, и св. Вульмар, и св. Ричард, и св. Винсент де Поль, и св. Мартин Тодийский, и св. Мартин Турский, и св. Альфред, и св. Иосиф, и св. Денис, и св. Корнелий, и св. Леопольд, и св. Бернард, и св. Теренс, и св. Эдуард, и св. Оуэн Песий,* и св. Аноним, и св. Эпоним, и св. Псевдоним, и св. Гомоним, и св. Патроним, и св. Синоним, и св. Лоренс О'Тул, и св. Иаков Динглский, и Компостелла, и св. Колумбил, и св. Колумба, и св. Селестина, и св. Фахтна, и св. Колумбанус, и св. Галл, и св. Фурси, и св. Финтан, и св. Фиакр, и св. Ян из Непомук, и св. Фома Аквинский, и св. Ив. Бретонский, и св. Мичан, и св. Герман-Иосиф, и три покровителя святой младости св. Алоисий Гонзага, и св. Станислав Костка, и св. Иоанн Берчманс, и святые Гервазий, Сервазий и Бонифаций, и св. Брайд — Невеста, и св. Кирнан, и св. Песс из Килкенни, и св. Ярлат Туамский, и св. Финбарр, и св. Паппин Баллимунский, и брат Алоисий Миролюбивый, и брат Луис

* Св. Оуэн Песий — Гарриоуэн; св. Аноним — рассказчик; св. Кирнан — хозяин паба; Марион Гибралтарская — Молли, жена Блюма.

Воинствующий, и святые Роза Лимская и Витербурская, и св.Марфа Вифанийская, и св.Мария Египетская, и св.Люсия, и св.Бригид, и св.Аттракта, и св.Димпна, и св.Ита, и св.Марион Гибралтарская, и блаженная сестра Тереза ордена младенца Иисуса, и св.Варвара, и св.Схоластика, и св.Урсула с одиннадцатью тысячами дев. И все они пришли с нимбами и ореолами и в сиянии славы своей, с пальмовыми ветками и арфами, и мечами, и оливковыми венцами, в покрывалах и одеяниях, на коих вытканы были благословенные символы их святости или мученичества: чернильные рожки, стрелы, хлеба, кресты, топоры, деревья, мосты, младенцы в бадье, ядра, кошель, ножницы, ключи, драконы, лилии, рога, бороды, брови, лампы, меха, улы, черпаки, мыло, звезды, змеи, клинья, банки с вазелином, колокола, костыли, щипцы, олени, непромокаемые сапоги, ястребы, верстные знаки, глаза на блюде, восковые свечи, паникадила, кропила, единороги. И так они шествовали мимо статуи Нельсона, по Генри стрит, Мэри стрит, Капел стрит, Малобританской улице, скандируя слова из *Eriphania Domini*, которая начинается *Surge, illumina-ge*, а затем сладчайшая *Omnes*, где говорится *de Saba venient*, и при этом они творили чудеса, а именно: изгоняли демонов, возвращали мертвых к жизни, множили рыб, исцеляли хро-мых и слепых, находили различные затерявшиеся предметы, разъясняли и исполняли Св.Писание, благословляли и проро-чествовали. И в завершение шествия следовал под балдахин-ном чистого золота преподобный отец О'Флинн, поддержи-ваемый Малахией и Патриком. И когда святые отцы достиг-ли урочного места, а сим был дом Бернарда Кирнана и К^о, Акц.о-во, №№ 8, 9, 10 по Малобританской улице, бакалейные и колониальные товары, оптовая торговля, поставщики вина и бренди, продажа вина, пива и крепких напитков вразлив и на вынос, ликующие хоругвеносцы благословили дом сей и кадили на его резные окна со ставнями, на наличники и две-ри, на арки и колонны, на купола его и на карнизы, и пояски, и на своды, и фронтоны, на шпили, и волнорезы, и окропили крестовины окон сих святой водой и вознесли моление, чтоб Господь благословил дом сей, как Он благословил дом Ав-раама, Исаака и Иакова, и чтобы поселил там ангелов Своего

света. А войдя, благословил сосуды и напитки, и все благословенное общество отвечало на его молитвы:

- *Adiutorium nostrum in nomine Domini.*
- *Que fecit coelum et terram.*
- *Dominus vobiscum.*
- *Et cum spiritu tuo.*

И он возложил свои руки в благословении и возблагодарил и молился, и все они молились с ним:

— *Deus, cuius verbo sanctificantur omnia, benedictionem tuam effunde super creaturas istas: et proesta ut quisquis eis secundum legem et voluntatem Tuam cum gratiarum actione usus fuerit per invocationem sanctissimi nominis Tui corporis sanitatem et animae tutelam Te auctore percipiat per Christum Dominum nostrum.*

- И мы все скажем аминь, — говорит Джек.
- Тысяча в год, Ламберт, — говорит Крофтон или Кроуфорд.

— Точно, — говорит Нэд и берет стакан своего "Джона Джеймсона". И масло к хлебу.

Только я оглядываюсь, кому на ум может прийти удачная мысль, и тут, чтоб он сдох, он врывается снова, делает вид, что спешит как на пожар.

— Я забегал в суд, — говорит он, — искал вас. Я надеюсь, я не...

— Нет, — говорит Мартин, — мы готовы.

Суд тебе в глаз, мать твою так, а карманы отвисают от золота и серебра. Жадный жид. Поставь нам выпивку. Угости! После дождичка в четверг! Вот это еврей! Все за одного. Краше сортирной крысы. Сто к пяти.

- Смотри, не проболтайся, — говорит гражданин.
- Прошу прощения, — говорит он.
- Пошли, ребята, — говорит Мартин, видя, что дело к грозе. — Пошли поскорее.

— Смотри, не проболтайся, — говорит гражданин, заводясь все больше. — Храни в тайне.

И блядский пес проснулся и зарычал.

— Пока, до скорого, — говорит Мартин.

И он вытащил их из пивной как можно быстрее, Джек Пауэра и Крофтона или, как его там звать, и он сам посередке,

делает вид, что ничего не понимает, вместе с ними в коляске.

— Гони, — говорит Мартин кучеру.

Не белоснежный дельфин распустил свою гриву — то кормчий, взойдя на позлащенный солнцем ют, поставил парус без штага и пошел на фордевинд под всеми парусами, вынеся спиннакер от грота. Множество дивных нимф подплыло поближе к подветренной и наветренной сторонам, и, цепляясь за борта благородной баркентины, свивали оне свои блистающие формы, как поступает хитроумный колесник, когда он сооружает вокруг сердцевины колеса ряд равноудаленных спиц, кои сестры друг другу, и сковывает их внешним ободом и придает быстроту стопам смертных, когда они поспешают на совет или соперничают за улыбку прекрасных дам. И воистину так плыли они, сии любострастные нимфы, сии не-смертные сестры. И они смеялись, резвясь в пене морской, а баркентина качалась в их волнах.

И, бля, не успел я поставить кружку, вижу, как гражданин ковыляет к дверям, задыхаясь и фыркая с перепоею, и клянет его, как Кромвеля, в мать, душу и черта по-ирландски, так что брызги и слюна летят, и Джо и малыш Альф суетятся вокруг него, как лепречуаны, пытаются утихомирить.

— Отцепитесь, — говорит он.

И бля буду, он добрался прямо до дверей, и они держат его, и он базлает вовсю:

— Троекратное ура Израилю!

Арра, сиди на парламентарной стороне своей жопы, Христа ради, и не устраивай нам демонстраций. Иисусе, всегда найдется какой-нибудь блядский шут, разведет балаган из-за выеденного яйца. Бля, от этого пиво в кишках может скиснуть, точно говорю.

И вся шушера и шлюхи Ирландии стоят под дверями, и Мартин гонит кучера, и гражданин базлает, а Альф и Джо утихомиривают его, а он, как с колокольни, поливает насчет евреев, а кабацкий прилипала с повязкой на глазу поет: "Евреи все, евреи, кругом одни евреи", и шлюха орет из себя:

— Эй, мистер! Ширинка расстегнулась, мистер!

И говорит он:

— Мендельсон был еврей, и Карл Маркс, и Меркаданте, и

Спиноза. И Спаситель был еврей, и его отец был еврей. Ваш Бог.

— У него не было отца, — говорит Мартин. — Будет. По езжай.

— Чей Бог? — говорит гражданин.

— Ну, его дядя был еврей, — говорит он. — Ваш Бог был еврей. Христос был еврей вроде меня.

Бля, тут гражданин метнулся обратно в пивную.

— Клянусь Иисусом, — говорит он, — сейчас размозжу блядского жида за то, что поганит святое имя. Клянусь Иисусом, я счас распну его, в Бога и в душу. Подать-ка эту коробку с сухарями.

— Стой! Стой! — говорит Джо.

Со всех сторон Большого Дублина и из самой столицы, и из ее окрестностей собрались тысячи друзей и приятелей, чтобы воздать должное и попрощаться с Надьшагошем урамом* Липоти Вирагом, ранее служившим в фирме Александра Тома, Его величества печатный двор, в связи с его отбытием в удаленные уделы Сазхарминцборогуляша-Дугуляша** (Луг Журчащего Ручейка). Церемония, шедшая с немалым éclat отличалась берущей за душу сердечностью... Свиток старинного ирландского пергамента, украшенный заставками работы ирландских мастеров, был преподнесен заслуженному феноменологу от имени большинства горожан. Вместе с ним был вручен и серебряный ларчик, украшенный со вкусом орнаментом и инкрустациями наподобие древнекельтских, подлинное произведение искусства, способное прославить имя его изготовителей, фабрики Иаков азус Иаков. Отбывающий на родину высокий гость был встречен сердечными овациями. Многие из присутствующих были тронуты, когда отборный оркестр сыграл на ирландских волынках хорошо знакомую щемящую сердце мелодию *Вернись в Эрин*, за которой немедленно последовал *Марш Ракоши*. Костры и бочки со смолой озарили побережье четырех морей и гордые вершины Холма Хоут, горы Трех Скал, Сахарной Головы, гор Мурна, Галти, Быка и Доне-

* Надьшагош — высокочтимый господин (венгр.)

** Сазхар... сто тридцать порций телячьего гуляша — запор (венгр.)

гала, пика Сперрин, Наглес и Бограс, холмов Коннемары, высот Мак-Гилликадди, Слив Оти, Слив Барна и Слив Блюм, И так под приветственные сотрясающие небесную твердь клики приверженцев, сгрудившихся на удаленных холмах Камбрии и Каледонии, гигантский лайнер медленно отчалил, получив последнюю дань лучших творений Флоры из ручек представительниц прекрасного пола, собравшихся в немалом количестве, а когда подобный мастодонту корабль поплыл вниз по реке, сопровождаемый целой флотилией барок, флаги Отдела Балласта и Таможни были приспущены в знак прощального приветствия, равно как и флаг на здании электростанции у Пиджинхауза. Висонтлаташра, кедвеш баратон! Висонтлаташра!* С глаз долой, но не из сердца вон.

Бля, сам черт не остановил бы его, схватил он эту блядскую жестянку, выскочил с ней наружу, а малыш Альф виснет у него на локте, а он орет, как подколотый боров, не хуже любого блядского представления в Королевском театре.

— Где он, пока я его не убил?

А Нэд и Д.Д. со смеху рукой пошевелить не могут.

— Гром и молния, — говорю, — подожду-ка я внутри последнего евангелия.

Но тут, как на удачу, кучер повернул клячу и погнал ее.

— Погоди, гражданин, — говорит Джо. — Стой.

И тут, бля, он замахнулся и запустил жестянку. Господь помиловал, солнце было ему прямо в глаза, а то б он его пришиб насмерть. Бля, он чуть не запустил ее в графство Лонгфорд. Блядская кляча испугалась и понесла, дурацкая дворняга несется, как будто за ней черти гонятся, и весь народ галдит и хохочет. И чертова жестянка катится и грохочет по мостовой.

Разразившаяся катастрофа была ужасающей и молниеносной. Обсерватория Дунсинка зарегистрировала в общей сложности одиннадцать толчков, все — пяти баллов по шкале Меркали. По существующим записям подобного сейсмического возмущения не происходило на нашем острове с землетрясения 1534 года, года мятежа Силкен Томаса. Эпицентр,

* Висонтлаташра — прощай, дорогой друг (венгр.)

видимо, находился в той части метрополиса, которая составляет район Гостиничного причала и приход св.Мичана, с общей площадью поверхности сорок один акр, два руда и один квадратный поль или перч. Все аристократические особняки в окрестностях Дворца Правосудия рухнули, и само это благородное сооружение, в котором в момент катастрофы велись важные правовые дебаты, превратилось в массу руин, под которой, как опасаются, остались погребены заживо все его обитатели. Из сообщений очевидцев стало известно, что сейсмические волны сопровождались мощными сотрясениями атмосферы циклонического свойства. Головной убор, как выяснилось впоследствии, принадлежавший достопочтенному делопроизводителю мирового и коронного суда м-ру Джорджу Фортреллу, и шелковый зонт с золотой рукоятью, на которой выгравированы инициалы, герб и номер дома эрудированного и досточтимого председателя Дублинского суда, сэра Фредерика Фалконера, были обнаружены поисковыми группами в удаленных частях острова, соответственно первый на третьем базальтовом гребне Великаньей Дамбы, а последний был погружен на один фут и три дюйма в песок на берегу залива, недалеко от старого мыса Кинсэйла. Другие очевидцы сообщают, что они наблюдали светящийся объект огромных размеров, прорезавший атмосферу с чудовищной быстротой по траектории, направленной с юго-запада на запад. Послания, выражающие соболезнования и сочувствие поступают ежечасно со всех сторон света и со всех континентов, и Римский владыка соблаговолил указать, что специальная *nissa pro defunctis* будет отпразднована одновременно рукоположенным духовенством всех и каждого собора во всех епископальных приходах, подвластных духовной воле Престола Святого Петра за упокой душ тех истинно верующих, которые были столь неожиданно вырваны из нашей среды. Работа по расчистке и удалению руин, человеческих останков и т.д. была доверена фирме Майкл Мид и Сын, № 159 по Грейт Брансвик ст. и фирме Т.С.Мартин, по улице Северная Стена, № 77, 78, 79 и 80, с помощью солдат и офицеров легкой пехоты Герцога Корнуэльского под общим командованием Е.К.В. вице-адмирала члена королевского совета

досточтимого сэра Геркулеса Ганнибала Хабиас Корпуса Андерсона K.G., K.P., K.T., P.C., K.C.V., M.P., J.P., M.V., D.C.O., S.O.D., M.F.H., M.R.I.A., B.L., Mus.Doc., P.L.G., F.T.C.D., F.R.U.I., F.R.C.P.I. и F. R. C. S. I .

Вы никогда не видали ничего подобного за всю жизнь. Бля, если бы этот лотерейный билет угораздил бы ему по башке, запомнил бы он Золотой кубок, надолго запомнил бы, но, бля буду, гражданин угодил бы в кутузку за нападение и оскорбление действием, а Джо — за пособничество и укрывательство. Кучер спас ему жизнь, когда помчал, и это святая истина, как то, что сказал Господь Моисею. Что? Иисусе, так он и сделал. И запустил вслед залпом проклятий.

— Убил я его, — говорит, — или как?

И кричит своему блядскому псу:

— За ним, Гарри! Куси его, дружок!

И только мы и видели, блядская коляска заворачивает за угол, и эта овечья морда стоит в ней и руками разводит, и блядская дворняга несется за ним, уши на спину, что есть мочи, чтоб разорвать на куски. Сто к пяти! Иисусе, клянусь, что он что-то получил с него за свои деньги.

И вот, се, озарил их великий свет, и они узрели колесницу, и Он, стоя в ней, возносился на небеси. И они узрели Его на колеснице, окутанного лучезарной славой, в милоти, подобной солнцу, прекрасного ликом, как ясный месяц, и ужасающего, так что от страха они не смели возвести очи. И раздался глаз с небес, зовущий: Илия! Илия! И он ответил зовом: Абба! Адонай! И они узрели Его, воистину Его, бен Блюма Илию, возносящегося меж облаков ангелов к лучезарной славе Господней под углом сорок пять градусов над кабаком Донохью на Малозеленной улице, как горох от стенки.